

МИРХОНД

САД ЧИСТОТЫ

«Раузат ас-сафа»

Всеобщая история Мирхонда — это громадная историческая компиляция, написанная в последние годы владычества Тимуридов, в достаточной мере общеизвестна и в настоящее время оценена по достоинству европейской критикой. Сочинение это считается на Востоке образцовым и классическим трудом по истории, оно доставило автору большую известность, благодаря своему изысканному стилю и обилию и занимательности материала — чертам, вполне удовлетворявшим литературные вкусы на Востоке, и долгое время было почти единственным источником для европейских исследователей истории Ирана и Средней Азии, несмотря на полное отсутствие у автора исторической критики и метода.

Мирхонд (полное имя его — Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуд) родился в Балхе в 837 (= 1433) г.; отец его, Бурхан-ад-дин, происходил из древнего рода сейидов Бухары, выехал в Балх, где постоянно жил и умер. Жизнь Мирхонда протекала в Герате при дворе последнего Тимурида Султан-Хусейна Байкары, где он пользовался покровительством Мир-Али-Шира Невай; по настоянию последнего Мирхонд и приступил к составлению своей обширной летописи, озаглавленной им «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»), употребив, по собственному признанию, всю первую половину своей жизни на чтение и изучение исторических книг. Здесь же, в Герате, Мирхонд и умер в 903 (= 1498) г.

Находясь в благоприятных условиях, Мирхонд, конечно, имел возможность пользоваться широко и беспрепятственно нужными ему сведениями — письменными и устными — в особенности при изложении современных и близких к его эпохе событий в Средней Азии, стоя близко к современной ему политической жизни.

Всеобщая история Мирхонда состоит из предисловия (мукаддамэ), 7 томов (кысм) и заключения (хатимэ).

Предисловие ценно автобиографическими сведениями, частью выше уже приведенными; кроме того, здесь автор излагает свои взгляды на идеального, по его мнению, историка и перечисляет требования, предъявляемые исторической наукой к «людям ума и знания»; далее он называет поименно большое количество использованных им в качестве источников писателей как арабских (15), так и иранских (25), не придерживаясь при этом ни хронологического, ни какого-либо иного порядка; здесь названы сочинения от Мухаммеда ибн Исхака, биографа пророка Мухаммеда, до историков эпохи Тимуридов, причем автор добавляет: «а кроме перечисленных еще много и других, которые были вместилищем знаний своей эпохи».

Так как автор в дальнейшем своем изложении очень редко приводит свои источники, то трудно сказать, имел ли он в руках все те книги, которые перечисляет; среди редких цитат все же встречаются ссылки на книги, не дошедшие до нас. 1-й том повествует о событиях от сотворения мира до конца царствования

Сасанидов (VII в.); 2-й обнимает время от появления Мухаммеда до эпохи четвертого халифа Али; в 3-м изложена история имамов, халифов омейядских и аббасидских; 4-й том трактует о мелких азиатских династиях до эпохи Тимура; в 5-м заключаются сведения о Чингиз-хане и его преемниках; 6-й том излагает историю самого Тимура и различных отпрысков его семьи до смерти султана Абу-Са'ида в 873 (= 1469) г., [61] наконец, 7-й подробно и систематически описывает события от 861 (= 1457) г. до 927 (= 1521) г." (фактически до 916 = 1510 г.), представляя собою органическое целое — законченную историческую монографию, содержанием которой является история возникновения, утверждения и упадка дома Султан-Хусейна Байкары (ум. 910 = 1504) г. Если принять год смерти Мирхонда (903 = 1498) г. как достоверную хронологическую дату, то все, что изложено в 7-м томе «Раузат ас-сафа» после 903 (= 1498) г., несомненно принадлежит не Мирхонду, а его продолжателю, внуку его Хондемиру. (См. о нем: Материалы, т. II, стр. 8-9.) Между тем, 7-й том представляет собою, как мы сказали, органическое целое не только в смысле содержания, но и в смысле манеры изложения, свидетельствующей об органической целостности отношений между автором и излагаемым им материалом. На этом основании автором 7-го тома «Раузат ас-сафа» Мирхонда, по крайней мере, поскольку дело касается литературной обработки материала, можно признать внука Мирхонда. Хондемира, автора не менее классического труда по всеобщей истории «Хабиб-ас-сияр». Кроме того, сличение текста 7-го тома с 4-м «джюзом» 3-го тома «Хабис ас-сияр» показывает полную тождественность текстов,, за исключением незначительных и притом чисто редакционных сокращений в некоторых главах. Хондемиру принадлежит также окончательная обработка «хатимэ» — географического приложения «о диковинках и чудесах», которое не вошло в литографированные издания, тегеранское и бомбейское, и рукописи которого встречаются реже, причем в некоторых из них оно является в виде 8-го тома.

Следующим продолжателем «Раузат ас-сафа» Мирхонда является известный иранский писатель и историк литературы Риза-кули-хан Хидаят (См. о нем: Материалы, т. II, стр. 19-20) (ум. 1288 = 1871 г.). Он написал 8-й, 9-й и 10-й томы, доведя летопись до времени шаха Насир-ад-дина.

Рукописных экземпляров «Раузат ас-сафа» существует довольно значительное количество в разных библиотеках мира.

Полностью «Раузат ас-сафа» издавалось несколько раз на Востоке, в Европе же печатались отдельные части (истории разных династий) Мирхондовской истории, которые большею частью и переводились на разные европейские языки.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «РАУЗАТ АС-САФА» МИРХОНДА,

по изданию J. A. Vullers'a (Mirchondi Historia seldschukidarum... Gissae, 1837)

(Для проверки использована рукопись ИВ АН Д75, т. I.)

[1] Автор книги «Мелик-намэ» (Повидимому, какое-то не дошедшее до нас позднее сочинение по истории Сельджуков (Туркестан, стр. 31). Изложение начальной истории Сельджуков у Мирхонда представляет собой механическое соединение нескольких приведенных выше версий с большим числом недоразумений; наличие некоторых не встречающихся в других дошедших до нас источниках подробностей и собственных имен заставляет предполагать наличие какого-то источника, восходящего к ранней эпохе; однако ряд известий, приведенных Мирхондом, носит совершенно легендарный характер.) рассказывает, что племена тюрок Дешт-и-Хазара звали Дукака «Темир-балыг», то есть «туголуким». Он обладал проницательностью в государственных делах и имел правильный взгляд (на управление государством). Об его исключительном мужестве и доблести говорили все. Хазарский князь, (В других источниках (например Ибн ал-Асир, выше, стр. 365) в параллельных местах идет речь о гузском князе; возможно, что Мирхонд прочитал в своем источнике вместо *** (гузы) — *** и решил, что это значит «хазар». «Дешт-и-хазар» — «Хазарская степь» — название степей Казахстана, встречающееся в IX в. и позднее, впоследствии (начиная с XII-XIII вв.) замененное названием «Дешт-и-кипчак» — «Кипчакская степь»; это название способствовало ошибке Мирхонда.) которого звали Ябгу, (В издании везде Бейгу.) постоянно приглашал его для участия в государственных делах. Однажды случилось так, что Ябгу задумал нанести вред одному тюркскому племени, которое ни в чем не провинилось. Об этом узнал Дукак. Разгневанный, он настиг падишаха на дороге и, назвав его притеснителем, наговорил ему (много) резких слов. Ярость овладела падишахом. Он ударил Дукака саблей. Потекла кровь. [2] Дукак в крайнем гневе ударил Ябгу палицей так, что голова падишаха треснула, и он упал с лошади. Переводчик книги «Мелик-намэ» говорит: «И было это в собрании тюрок, на глазах их старцев, пожилых лиц и людей, рассудительных из числа их вельмож». Так как у хазарского народа был такой обычай, что без дознания и расследования никого не убивали, будь это слабый или сильный, благородный или простой, то государственные сановники медлили выполнить приказание, несмотря на то, что хазарский князь, сидевший на своей лошади, приказал схватить и убить Дукака. Дукак громко закричал, обратившись к ним: «Моя вина только в том и заключается, что я хотел удержать Ябгу от злого дела, которое принесло бы позор и народу тюркскому, и прославленным мужам государства, хотел помешать ему совершить неправоту и жестокость, которые неизбежно повлекли бы разрушение государства и гибель султанской власти; в ответ на свой совет я получил удар мечом».

[3] Тюркские эмиры и сановники Дешт-и-Хазара, держась стороны справедливости, постарались успокоить Ябгу увещаниями и сказали: «Причина обиды Дукака — навождение шайтана. Так или иначе, это прегрешение произошло из-за гневности падишаха».

И они убеждали Ябгу в подобного рода мыслях до тех пор, пока он не согласился помириться. Задали такой пир, что глаз Венеры-музыкантши помутился (от зависти), созерцая это зрелище. Военачальники привели Дукака, и они, обняв друг друга, расцеловались. Это событие послужило к величию эмира Дукака и вящей славе его во всем мире.

Когда после этого происшествия прошло некоторое время, бог даровал Дукаку сына. Он был назван Сельджуком. Когда Сельджук достиг совершеннолетия, отец его Дукак умер, и Ябгу, окружив Сельджука вниманием [451] и почетом, приказал обращаться к нему (с титулом) «сюбаши», что значит предводитель

войска. Со дня на день то положение, которое Сельджук занимал у Ябгу, становилось все выше и выше, так что ему стали завидовать [4] государственные сановники и придворные. Однажды случилось так, что Сельджук, войдя в дом Ябгу, прошел впереди женщин и детей шаха и уселся около него. Это не понравилось жене (хатун) Ябгу. После того как Сельджук вышел из комнаты, хатун сказала Ябгу: «Этот юноша, ставший с самого начала таким дерзким, ведет себя черезчур независимо. Если некоторое время после этого случая оставлять его безнаказанным и (если) могущество и значение, которые он имеет сейчас, станут большими, то ясно, чем окончится дело».

Слова эти произвели впечатление. Ябгу задумал освободиться от Сельджука, а Сельджук, зная кое-что об этом, стал опасаться и немало приложил забот о своем спасении. (Наконец), он решил отправиться на чужбину. Утвердившись в намерении бежать, он направился к Самарканду, захватив с собою 100 всадников, 1500 верблюдов и 50 000 баранов. Когда он достиг пределов Дженда, господь озарил его сердце божественным светом. Он послал вестника к правителю той области (со) следующим заявлением: [5] «Причина моего прибытия в эту знающую правый путь страну заключается в том, чтобы я получил возможность вступить в число людей, исповедующих ислам. В данный момент просьба моя сводится к тому, чтобы кто-нибудь из законников и пользующихся авторитетом ученых был направлен ко мне. Пусть он займется обучением корану и истинам мусульманства, доведя до источника правого пути заблудших в пустыне невежества».

Просьба его была уважена. Сельджук вместе со своими подчиненными и приверженцами сделался мусульманином. Он остановился на жительство в одной из равнин Дженда, месте приятном. В это время прибыл посол от неверных с требованием хараджа, который ежегодно взимался с владельцев Дженда. Когда обстоятельства дела и происшествия стали известны Сельджуку, он отказался от выполнения (требования) и заявил, что он не согласен с тем, чтобы мусульмане платили дани и подати неверным. По этой причине Сельджук стал готовиться к войне. Он собрал тюрок той страны, которые имели желание бороться с неверными, и отправился на войну. Правитель Дженда и население той области оказали Сельджуку помощь и деньгами, и войском. Тем временем недруги, воспользовавшись удобным случаем, угнали с пастбища верблюдов, принадлежавших Сельджуку. Получив сведение об этом, Сельджук пустился преследовать неприятелей с отрядом смельчаков. Неприятели, увидев воочию ярость и силу [6] его натиска, бросили (награбленное) добро и обратились в бегство. Сельджук возвратился в свой юрт победителем. Зная его могущества поднялось кверху. К нему обращались люди из областей Туркестана, и окраинные князья нуждались в его помощи и милостях. Так, например, Ибрахим Самани, (Более известный под именем ал-Мунтасир. Ср. выше, стр. 223 сл.) разбитый Илек-ханом, искал у него убежища. Он, оказав помощь Ибрахиму, послал его против Илек-хаана, и Илек-хан, разбитый в битве, избрал путь спасения в бегстве. Зная счастья Сельджука взвилось в небесную высь. В пределах Бухары он разбил палатки (своей) державы.

У Сельджука было четыре сына: Микаил, Муса, Арслан, носивший прозвище Ябгу, и еще один сын, умерший в юности. Спустя некоторое время после того, как бежал Илек-хан, Сельджук занялся осадой одной крепости. Микаил много положил усилий на завоевание крепости. Во время этой осады в него угодила стрела, и он отдал душу (ангелу смерти) Азраилу. [7] Сельджук, огорченный смертью Микаила и тосковавший по нем, обратил все свои помыслы на воспитание его детей: Тогрул-бека и Чагры-бека [452] Дауда. Тогрул-бек и Чагры-бек завоевали много (стран) обитаемого мира, как это будет изложено на сих страницах.

Когда Сельджук увидел на челе возмужавших детей Микаила знаки умственной зрелости, он поручил их разуму и рассудительности управление общественными делами племени (сельджуков) и других народностей. До того времени, как Сельджук переселился в лучший мир, и после его смерти Мухаммед (Тогрул-бек) и Дауд (Чагры-бек), рассудительностью, любезностью обращения и неустрашимой храбростью отличавшиеся от подобных и равных им, (постоянно) старались оказать помощь людям Божиим и посрамить врагов. Так продолжалось до тех пор, пока великий страх не овладел князьями Мавераннахра и Туркестана, пришедшими в отчаяние от их (храбрости). В подтверждение этих слов необходимо привести то (обстоятельство), что правитель Мавераннахра, которого называли Илек-ханом, [8] боясь могущества Тогрул-бека и Чагры-бека, то был с ними в союзе, то оказывал противодействие им и устраивал раскол. Илек-хан мечтал, что, устранив их и завладев большею частью городов Туркестана, он станет самовластным и независимым. Когда братья проникли в его тайные замыслы, они начали распрю и, из рукава вражды вытащив руку грабежа, напали на окраины (государства) Илек-хана. Илек, пораженный этим поступком, собрал начальников своего войска и держал с ними совет, как дать отпор сельджукам. После совещания и гадания он отдал распоряжение находившимся при нем войскам собраться бесчисленным полчищем. Весть об этом тотчас же дошла до наследников Сельджука, солдаты которых были рассеяны в различных местах степи и пустыни. После обычных совещаний и обмена мнений Чагры-бек усмотрел правильный образ действия в том, [9] чтобы покинуть пределы государства Илек-хана и обратиться с просьбой о защите к Богра-хану. Это мнение показалось хорошим всем, и они направились в государство Богра-хана, выслав (вперед) посла к Богра-хану и дав знать о своем прибытии. Богра-хан выразил радость, услышав о приходе наследников Сельджука. Он отличил посланного царственным приемом и вернул его обратно преисполненным радости, (заявив), что государственное дело отныне будет осуществляться на основе взаимного участия и разделения между ним и наследниками Сельджука. Когда посол прибыл в лагерь наследников Сельджука, он рассказал им о том, что слышал от Богра-хана. Чагры-бек не считал полезным отправиться к Богра-хану всем скопом и сказал своему брату Тогрул-беку: «Разумнее поступить так, что в течение каждой недели один из нас будет ходить на три дня в лагерь хана и служить ему. Так, если ему придет на мысль совершить какое-либо вероломство, он не сможет сделать этого явно, и если он схватит кого-нибудь из нас двоих, другой окажется в состоянии найти средства на этот случай».

[10] Порешив таким образом, они направились в столицу Богра-хана. Сделав остановки и переходы и достигнув его столицы, на расстоянии 2 фарсахов от нее они выбрали одну стоянку, где была свежая зелень. Согласно тому образу действия, на котором они условились, каждую неделю один из братьев ходил на службу к хану, а другой соблюдал должное почтение, оставаясь в юрте. В течение этого времени хан выжидал и высматривал удобный случай, когда оба брата окажутся вместе в его обществе, чтобы заключить их в оковы. Так как этого осуществить ему не удавалось, то потерявший надежду хан выбрал подходящий момент и, схватив Тогрул-бека, надел на него цепи и бросил в тюрьму. (После того) не медля он отправил отряд смельчаков из своих подчиненных против Чагры-бека, рассчитывая на то, что Чагры-бек будет захвачен всрапlox. Чагры-бек же, проведав о случившемся, отослал в степи и пустыню своих домочадцев и родственников и с той частью племени, которая состояла из способных к бою мужчин, ринулся на неприятеля. Когда два отряда приблизились друг [453] к другу, началось яростное сражение. Солдаты Богра-хана обратились в бегство. По воле судеб 130 военачальников были захвачены и взяты в плен.

[11] Когда бежавшие достигли лагеря Богра-хана и рассказали ему о туркменском войске все, что им пришлось увидеть, хан понял, что он ничего не сможет поделаться с Чагры-беком при помощи вражды. Поэтому он дал приказ об освобождении Тогрул-бека и распорядился, чтобы ему оказали внимание и ласку.

Ему были подарены китайские драгоценные одежды, и к этому подарку были присоединены 40 гулямов и прекраснеликих рабынь с сладостным голосом. Вручив Тогрул-беку сверх того 10 000 динаров в виде подарка, Богра-хан стал просить Тогрул-бека, когда он встретится с братом, пусть этот последний освободит захваченных в плен и отошлет их ему. Тогрул-бек, согласившись на это предложение, распрощался с ханом. Когда он добрался до лагеря брата, Чагры-бек, весьма обрадованный вестью о его прибытии, приказал освободить (пленных) военачальников, и после того, как пленники были отосланы, оба брата направились в Самарканд.

Правитель Самарканда Али-тегин, который был известен под именем Илек-хана, получив сведения о возвращении братьев, разослал туркестанским князьям и султанам послания с просьбой о подкреплении и, собрав войско, приготовился воевать. После того как наследники Сельджука получили сообщение об этом происшествии, их охватили страхи и опасения. Чагры-бек сказал брату: «Правильнее поступить так, что тебе и всем, | 12 | которые с тобою, направиться в пустыню, а мне дай дозволение пойти воевать. Не лишено вероятия, что, несмотря на свою силу, неприятели, благодаря такому средству, будут держаться от нас подальше».

Порешив на том, Тогрул-бек отправился (в пустыню), а Чагры-бек с 30 000 отважных всадников, которые битвы Рустема и Исфендияра считали за ничто, пошли в Хорасан, чтобы оттуда направиться в Армению. Правитель Туса, получивший сведения о появлении Чагры-бека, послал войско, чтобы захватить его. Посланные после поисков вернулись ни с чем и доложили, что Чагры-бек, пройдя через Рей, направился в страну Рума. Одновременно с тем султан Махмуд-и-Себуктегин послал правителю Туса приказ, содержащий упреки и выговор за то, что последний допустил небрежность и недосмотр, позволил Чагры-беку безнаказанно пройти по самой середине его государства. Правитель Туса, напуганный султанским выговором, приказал опытным в деле людям перехватить и стеречь дороги, чтобы поймать Чагры-бека, когда он будет возвращаться, и препроводить | 13 | его в Газну.

Когда Чагры-бек достиг пределов Рума, к нему присоединилось одно туркменское племя. Занявшись набегами на неверных, он завоевал несколько крепостей, набрал массу добычи и (таким образом) прижал к груди невесту желаний. После того как Чагры-бек достиг желаемого, он попрощался с туркменами и отправился на свою родину, делая переход за переходом и стоянку за стоянкой. Когда же Чагры-бек дошел до окрестностей Мерва, он распустил свою свиту, а сам под видом купца вошел в город. Правитель Туса получил сведения о том, что Чагры-бек (уже) прошел, и понял, что ему покровительствовал сам божественный промысел. К Чагры-беку, когда он достиг Бухары, присоединились некоторые из туркмен, которые жили в этой стране. В это самое время он отправил к Тогрул-беку посланца, извещая брата о своем благополучном прибытии с добычей. Тогрул-бек, обрадованный, двинулся со своей стоянки и встретился с братом. Когда дядя их, Ябгу Арслан, увидел, какова величина войска племянников, его втайне обуяло чувство злобы и зависти. Как бы давая совет, он сказал им: «Многочисленность вашего войска приведет к тому, что в другой раз князья и | 14 | [454] султаны Мавераннахра и Туркестана выступят против (вас). Необходимо войска распустить, чтобы они разошлись по степям».

Эмиры, согласно мнению своего дяди, отдали приказание войску разойтись.

Глава о победе Кадыр-хана над Али-тегином, о движении султана Махмуд-и-Себуктегина на Мавераннахр и взятии в плен Ябгу ибн Сельджука

Когда Али-тегин, правитель Самарканда, который был известен под именем Илек-хана, вышел из положенных ему границ и стал спорить с туркестанскими ханами не только о равенстве, но даже и о превосходстве, Кадыр-хан, выделявшийся среди тюркских султанов своим могуществом и вооруженными силами, нашел, что этого допускать нельзя, и стал держать совет с сановниками государства и людьми опыта о том, как дать отпор Илек-хану. После обсуждения мудрые сановники дали (такой) ответ, [15] что было бы хорошо отправить к Махмуд-и-Себуктегину искусного и ловкого в речах посла, войти к нему через двери дружбы и предложить вступить в близкие родственные отношения. А когда, мол, вражда и отчуждение между двумя султанами сменяется дружбой и единодушием, то Илек-хан будет уже не в состоянии побеждать и господствовать, а могущество потомков Сельджука, от нападения которых территория государства вовсе не гарантирована, придет к концу.

Выслушав речи советчиков, Кадыр-хан отправил к султану Махмуду в качестве послов несколько лиц из своих надежных слуг (с наказом) вести речь, направленную к укреплению основ дружественных отношений и приложить старания заложить эти дружественные основы, употребив для того все, что можно сказать словами. Посланные отправились в Газну и, выполняя посольскую миссию, привели посредством всякого рода выражений исчерпывающие доказательства для (получения) согласия. Говоря кратко, (они указали), что между Кадыр-ханом и Илеком имеет место вражда и что Илек намеревается затеять войну с ханом. «Если Илек-хан окажется победителем, то возможно, что после завоевания туранских государств он пойдет на Иран. В настоящую минуту, если султан, идя путем [16] согласия, пойдет (войною) на Самарканд, мы со своей стороны также пойдем воевать с Илек-ханом. Так или иначе Илек, получив известия о (нашем) союзе, будет принужден оставить свою столицу и дать развод опечаленной невесте государства, а (сам) усядется, проиграв и потерпев неудачу, в углу неизвестности и унижения».

Когда султан Махмуд ознакомился с содержанием речей послов хана, он отдал приказ о сборе войск, и в короткое время под Газной собралась неисчислимая рать. После того как войска были собраны, он выступил из (своей) столицы и, делая переходы и стоянки, достиг берега Джейхуна. Около того же времени Кадыр-хан, также выступивший из своей столицы, двинулся на Самарканд. Когда Илек-хан понял, что у него нет силы сопротивляться тем двум великим падишахам, именно султану Махмуду и Кадыр-хану, он вышел из Самарканда со своими приближенными и направился в пустыни и степи Туркестана, Самарканд же очутился во власти Кадыр-хана. Между ним и султаном Махмудом укрепились основы дружбы. Так как хан побаивался могущества и натиска сельджуков, то он внушил [17] султану мысль переправить через Джейхун это скопище.

По одному преданию, султан отправил к Тогрул-беку и Чагры-беку посла с просьбой притти в Хорасан и поселиться в подходящем юрте. Они, воздержавшись, отклонили предложение — и к султану Махмуду пришел Ябгу Арслан, который был дядей тех двух счастливых. Султан надел на него цепи и отослал в одну из крепостей Индии. [455]

Этот поступок испугал обоих достойных братьев. После того как Илек-хан бежал, султан возвратился в Газну, а хан ушел в Кашгар. Илек, узнавший о том, что в Мавераннахре господина нет, направился из пустыни и степи в населенный Самарканд и занялся завоеванием государства. Коварством и хитростью он домогался забрать в (свои) руки сельджуков, чтобы ввергнуть их в пучину гибели и водоворот бедствия. Говоря подробно — дело в следующем. Илек-хан непрерывно и упорно [18] отправлял к сельджукам послов и послания, извещая их: «Вследствие противодействия, которые вы оказали Махмуд-и-Себуктегину, он оказался не в состоянии ни (сам) пребывать в этой стране, ни поручить ее какому-нибудь сардару. В настоящий момент направляйтесь-ка в Самарканд. Не только государство, но все, что только находится в моей власти и над чем я господин, будет (поделено) между вами и мною на основе сотоварищества. Ваши старики будут проводить жизнь в этой стране, занимая место (моего) отца, молодые люди на положении брата и малые дети словно (мои) дети».

Сколько раз ни повторял это заявление Илек-хан, сельджуки отказывались от его предложения и речами его не соблазнялись. Когда Илек-хан отчаялся в своих замыслах, он стал подумывать о том, чтобы дать начальство над туркменами Юсуфу ибн Мусе ибн Сельджуку и, повлияв таким образом на последнего, достигнуть собственной цели. Он предполагал, что Юсуф добьется превосходства над своими двоюродными братьями, и (вследствие этого) дружба и взаимная любовь их окончатся ненавистью и враждой. [19] Поэтому, прислав Юсуфу разные подношения и подарки, он поручил ему управление. Юсуф принял на себя управление делами улуса, (Монгольский термин «улус» (удел, область, население, подчиненное определенному феодалу) появился в Соединенной Азии только в монгольский период. См. о нем под словом «улус» в предметном указателе к книге Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов».) и знамя его могущества поднялось высоко. Это стало неприятно Тогрул-беку, и он хотел подвергнуть Юсуфа заслуженному им наказанию, но воспрепятствовал Чагры-бек, сказав брату: «Недостойное дело прекращать родственные отношения, за это нас станет хулить народ. Кроме того, цель Илека, возвысившего и окружившего Юсуфа почетом, заключается в том, чтобы при помощи его избрания посеять раздоры и вражду между потомками Сельджука».

По совету миролюбивого брата Тогрул-бек отказался от враждебных действий по отношению к Юсуфу и стал вести себя дружелюбно. Когда Илек увидел, что стрела его изобретательности не попала в мишень желания, он обласкал Алп-Кара Нирани, который был бесстрашным смельчаком, и приказал (ему) пойти против сельджуков с отрядом отчаянных храбрецов. Алп-Кара отправился против них и ночью, когда они этого не ожидали, напал на них, и между обеими партиями произошло жестокое побоище, [20] Юсуф ибн Муса Сельджук с толпой туркмен был убит. Тогрул-бек и Чагры-бек с большей частью своих людей, выйдя из свалки, начали битву организованно. В этот момент господь осветил взор Чагры-бека видением благословенного новорожденного. Сельджуки сочли это за счастливое предзнаменование и дали ему имя Алп-Арслан. После того, исполненные надежды, они двинулись в бой с Алп-Кара. Когда оба отряда (противников) смешались, Тогрул-бек и Чагры-бек обнажили меч отмщения и взяли в плен Алп-Кара вместе с сотней начальников его войска. Они выкололи ножом глаза у Алп-Кара, отделили его голову от туловища и возвратились к себе домой победителями, радостные и довольные. [456]

Глава о том, что произошло между хорезмшахом и сельджуками и о вторжении их в Несу и Абиверд

Когда Тогрул-бек и Чагры-бек взяли верх над Алп-Кара, хорезмшах: |21| вступил в дружественные отношения с (сельджукскими) эмирами. Отправив к ним послов и предложив им взаимный договор и союз, он побудил их притти в Хорезм. Сельджуки, предполагая, что хорезмшах приглашает их на помощь себе по той причине, что между ним и султаном Мас'удом ибн Махмудом имело место некоторое расхождение, вошли в пределы самого Хорезма. Хорезмшах, приступив к выполнению (своих) хитростей и козней, написал своему главнокомандующему Шахмелику письмо следующего содержания: чтобы он немедленно пошел на войну с сельджуками и так постарался истребить этот народ, чтобы ни одной живой души от него не оставить. Шахмелик, согласно приказанию, взял войско, отправился на них и истребил толпу туркмен. Тогрул-бек и Чагры-бек с большинством сановников их царства избежали гибели и рассеялись в разные стороны. Оба брата, посоветовавшись, сочли наиболее благоразумным переправиться через Джейхун, устроить стоянку в пределах Несы и Абиверда и |22| попытаться войти в добрые и дружеские отношения с Мас'удом ибн Махмуд-и-Себуктегином. Если Мас'уд поступит с ними как искренний друг, то за это они будут стараться помогать и содействовать ему, а если нет, то они поступят так, как потребуют обстоятельства минуты. В большинстве исторических сочинений удостоверено и подтверждено, что султан Махмуд переправил сельджуков через Джейхун только в расчете на их достояние и что, хотя Арслан Джазиб отклонял султана от этого поступка, (его предостережение) не было принято во внимание. Однако (данные сведения) автор (этих) строк не считает достоверно правильными. Так или иначе Тогрул-бек и Чагры-бек, полагаясь на помощь божию, перешли через Джейхун и, делая переходы и стоянки, добрались до Несы. Они остановились на краю Балханской пустыни. (Так в рукописи (л. 193); в издании: ***)

Спустя несколько дней они послали к султану Мас'уду одного искусного в речах посла и заявили ему о своем (желании) согласия и союза. Мас'уду эти речи пришлись не по вкусу. В ответ он держал угрожающие речи, сказав послу: «Самое лучшее для рода Сельджука — это покинуть наше государство, пока наша охрана и военная сила не причинили ему вреда».

Когда (сельджукские) эмиры узнали об этих словах, они перестали |23| надеяться на мирные отношения с Мас'удом и на его помощь. Укрыв своих домашних и женщин в недоступном месте, они начали грабить подданных (Мас'уда) и, готовясь к войне, были в ожидании того, что должно было произойти.

Глава о походе Бектугды против рода Сельджука, о поражении, понесенном им от этого племени, о согласии султана Мас'уда на мир и отказе от него сельджуков

Когда до Мас'уда дошло, что сельджуки посягают на достояние и честь населения в Несе и Абиверде и, не останавливаясь ни перед чем, грабят имущество и скот у войска и жителей, он отдал приказание открыть двери сокровищниц, извлечь без числа деньги и вещи и оделить ими воинов и всех способных носить оружие. Начальство над этим войском он поручил Бектугды, обладавшему влиянием начальнику. В сопровождении тысячи нагруженных оружием верблюдов, ста верблюдов с динарами и диргемами |24| и несколькими звеньями слонов Бектугды с поспешностью, какая только была возможна, отправился в Несу дать отпор сельджукам. [457]

Лишь только эмиры получили известие о движении войск султана Мас'уда, они поспешили ему навстречу, и между противниками началось сражение... С обеих сторон было убито много народу, и кровь текла рекою в том сражении. Наконец, ветерок победы повеял на бунчуки знамен рода Сельджука. А солдаты из войска Бектугды, за полу которых (еще пока) не уцепилась смерть, с разодранным воротником и устами в пыли поспешно бежали с поля сражения. Беглецы, примчавшиеся к султану, рассказали ему о том, как произошло событие. Мас'уд был в тревоге и страшной растерянности. Он собственной персоной выступил из Газны и с громадным войском направился в Хорасан против сельджуков. Сделав несколько переходов, он достиг Нишапурской области и в этих местах остановился лагерем. Все свои помыслы он сосредоточил на борьбе с сельджуками и совещался об этом с сановниками государства. Некоторые рассудительные люди [25] сказали: «Было бы полезно послать к ним деликатного советчика с подношениями и подарками, чтобы охлаждающей водою совета заставить улечься пыль смуты, которая поднята».

Султан Мас'уд волей-неволей должен был оказать снисхождение. Он отправил к сельджукам посла с различными подарками, состоявшими из индийских сабель и газнийских драгоценностей, и заявил: «То, что произошло, не было мне по нраву. Все дело вышло из-за некоторых наших глупцов. Теперь следует поступать по поговорке — (что было), то прошло, и не след больше говорить о прошедшем. Свернем ковер вражды и будем стремиться к искренней дружбе и согласию. Мы сватаем трех красавиц, дочерей наших вельмож, за троих: за Тогрул-бека, за Чагры-бека и за Инанч-бека ибн Сельджука. Мы отдаем их в супруги им, чтобы поводы к вражде прекратились, чтобы города и деревни получили покой и перестали опасаться бедствий войны».

[26] Когда посол прибыл в лагерь сельджуков и представил послание, Чагры-бек сказал в ответ: «В настоящий момент султан Мас'уд жалуется нас безграничной милостью и благоволением, говорит приятные слова и все, что требуется (правилами) благородства и человечности, применяет на деле. Однако мы не знаем, после этого поступки его будут соответствовать его словам или не будут. Если он согласует (свое) сердце со своими словами, мы будем у него в подчинении, чтобы не проливалась кровь и население чувствовало себя в безопасности. Если же обнаружится противное тому, о чем он заявил, то произойдет то, что будет угодно господу».

Когда эмир Чагры-бек произнес эти слова, сельджукские эмиры стали хвалить его и прокричали ему «афарин» (браво). Удовлетворив посла Мас'уда, они отправили его назад. Вернувшись, посол предстал перед султаном и доложил об ответе на (султанское) заявление. Обрадованный и довольный Мас'уд отдал приказ мервскому правителю: без замедления и задержки приготовиться к оказанию почета трем эмирам и передать им после (заключения) договора и союза 40 барабанов, 100 палаток, 3 богатых шатра и 3 знамени. Слона же, которого сельджуки захватили у нашего [27] войска на месте битвы, (мервский правитель) должен был истребовать обратно и после всего этого устроить все необходимое для брачного союза: сосватать дочь эмира Сури за Инанч-бека ибн Сельджука, одну из дочерей эмира Абдуса отдать эмиру Тогрул-беку, а другую дочь, украшенную всяким изяществом и добродетелью, Чагры-беку.

Когда приказ Мас'уда дошел до правителя Мерва, последний, выполнив все, что касалось барабанов, знамен и шатров, отправил с ними в лагерь сельджуков одного человека из своих доверенных и известил их, что сельджукским эмирам необходимо прибыть в Мерв, чтобы справить свадьбу и брачный пир. Доверенному

мервского правителя, который прибыл в лагерь сельджуков, дали знать, в каком настроении находятся туркмены. Часть [458] туркмен, ничего не боявшихся, начала делать глупости — бранить и ругать султана Мас'уда, говоря: «Если бы до того, как возникла смута и (султанское) войско было разбито, Мас'уд приложил старания к укреплению основ дружеских отношений, то мы бы ответили согласием. Теперь же из всех этих пустых слов ничего путного не выйдет».

[28] Дядя Тогрул-бека и Чагры-бека, взяв свои подарки, дал согласие на брак, а те приказали разорвать на куски барабаны, знамена, шатры. Посланный мервского правителя вернулся ни с чем. Султан, услышав об этой оказии, направил все помыслы на войну и борьбу с сельджуками, а оба брата, найдя подходящее место для стоянки, расположились на берегу Джейхуна. Зимой они провели в том месте. Когда шах войска звезд разбил палатки в замке своей (весенней) славы, те два благословенные счастьем (брата) разослали туркменских воинов по всему государству султана Мас'уда, и в течение трех лет туркмены совершали грабежи и опустошения. Войска, которые султан Мас'уд высылал для отражения их, терпели поражения, (военные) средства и снаряжение Газны пропадали даром и захватывались. Военачальники хорасанских областей были бессильны справиться с туркменами и не знали, что делать. Осведомленный о том султан Мас'уд испытывал превеликий страх. После совещания для борьбы с сельджуками он командировал вместе с многочисленным войском Сюбаши, который был одним из [29] выдающихся по своей мощи полководцев, несравнимым ни с кем и знавшим приемы военных хитростей. Получив приказ, Сюбаши отправился против сельджуков. Те же, узнав о его выступлении, приготовились к войне. Часто ночью приемом ночного набега они нападали с краю на лагерь Сюбаши и утаскивали и лошадей и многое другое, что попадалось под руку. Всякий раз, как Сюбаши хотел напасть на их лагерь, туркмены бросали место своей стоянки и уходили на другое. Эта история тянулась в течение трех лет, и большая часть Хорасана стала приходить в запустение.

Между тем султану донесли, что хотя Сюбаши и прилагает все старания, однако он не в состоянии надлежащим образом проучить (туркмен), наоборот, пыль смуты (поднятой ими) с каждым днем подымается выше, а могущество этого племени с каждым часом становится больше. Выслушав это донесение, султан, взволнованный и огорченный, принял намерение самому [30] отправиться в Хорасан и повести войну с сельджуками. Сын и везир его воспротивились, говоря: «Если падишах лично отправится на войну с туркменами, они по причине своей слабости и страха уйдут в далекие пустыни или засядут на крутизнах высоких гор. А после того, как султан вернется назад, они выйдут, подобно хищным зверям, из лесу, разрушат города и заставят страдать население; это явится причиною бесчестия и унижения (достоинства) султанского величества. А если они выступят против слуг его величества и, вынудив руку дерзости из рукава нахальства, нанесут поражение султанским войскам, то это на страницах (истории султанского) могущества останется позором и срамом навеки».

Когда султан услышал от советников подобные этим речи, они нашли отклик в его сердце, и он отказался от своего намерения. Оставшись в своем дворце, он разостлал ковер удовольствий и с фееподобными гуриями предавался непрерывным наслаждениям, упиваясь вином, проводя день до ночи, [31] а ночь до дня... (Так продолжалось) до тех пор, пока в 427 (= 1035/36) г. Сюбаши, воевавший с сельджуками, не стало тужо, из пределов Несы и Языра (Так в издании; Языр как географическое название до XII в. нигде не упоминается; вероятно, Мирхонд прочитал в своем источнике вместо *** — Баверд, *** — Языр.) он ушел в Герат. Чагры-бек направился в Мерв и предал грабежу и погрому волости того края. Население Мервской области послало к Сюбаши двух человек из ученых и благочестных людей той области и [459] воззвало (к нему) о помощи в

том великом несчастьи. После совещаний и гаданий (о предстоящем) он с полком самых отважных солдат прошел в течение трех суток 60 фарсахов и достиг окрестностей Мерва. Чагры-бек, извещенный о его прибытии, занялся приведением войска в боевой порядок. Построив войско и поручив себя богу, он пошел против неприятеля. Когда вражеские отряды сблизились и когда Сюбаши увидел прямо перед собою многочисленное и могучее туркменское войско, им овладел сильный страх, и он уже сожалел о своей смелости. Приложив сто стараний и усилий, он выбрался из сражения и вошел в город (Мерв). Войско его рассыпалось, и обращенные |32| в бегство солдаты устремились кто куда. Чагры-бек, преследуя бегущих, захватил в плен 40 человек из начальников войска. Расправившись с ними, он написал Сюбаши письмо, содержащее обещания и угрозы, и смешал вместе мед и горький колоквинт. И Сюбаши, когда узнал истинное положение вещей, понял, что (дело) это — дело всевышнего и решение небесное.

Глава о битве джужджананского правителя с Чагры-беком и его поражении, об уходе Сюбаши из Мерва в Дихистан и завоевании Мерва сельджуками

После того как Сюбаши, разбитый в сражении с Чагры-беком, вошел в Мерв, он все свои помыслы обратил на борьбу с врагом. Он много передумал об этом и остановил свое решение на том, чтобы дать подкрепление наместнику (вали) Джужджанана, обладавшему авторитетом правителю, и послать его сразиться с Чагры-беком. Поэтому он послал ему в помощь |33| многочисленное войско вместе с письмом, содержащим (наставления) в осторожности и бдительности и побуждавшим к сражению с противниками, к борьбе со злом и бедствием от туркмен. Правитель упомянутой области во главе своего войска направился к лагерю сельджуков. Чагры-бек принял сражение, и они построили ряды один против другого. Оба войска пошли друг на друга с саблями. В результате правитель джужджананский был в сражении убит. Тысяча человек начальников из войска его и войска Сюбаши попали в плен; из этой пучины бедствия и водоворота смерти никто не достиг спасительного берега, за исключением незначительного количества людей.

Эмиры сельджуков рассеяли свои войска по всему Хорасану. Страна утопала в бедствиях и несчастьях. (Все) слои населения (табакат-и-расайя) посылали к Сюбаши в Мерв письма, исполненные мольбы. Сюбаши с сердцем, обливающимся кровью от насилия судьбы, покинул Мерв и отправился в Нишапур. Он нашел эту область в разрушенном состоянии, |34| обратившейся в пастбище для четвероногих. Оттуда он поспешил в Дихистан. Описав все, что происходило, он послал (донесение) в Газну к султану Мас'уду.

Когда сельджуки узнали, что Сюбаши вышел из Мерва, они, направившись туда, подошли к Мерву и старались создать затруднения для его крепости и городских жителей. Тогда три человека из ученых и выдающихся лиц, которые жили в Мерве, поспешили пойти на поклон Тогрул-беку и от имени (всего) населения заявили ему: «До этого (времени) мы несколько раз доводили до сведения султана Мас'уда, что в государстве его стало неладно, и (требовали), чтобы он принял (какие-либо) меры. Но он подпал под влияние порочных людей и не выполнил этого. Сколько ни прилагал труда и усилий Сюбаши, отличавшийся от всех сановников мас'удова государства (своею) доблестью и опытною, дело его не подвинулось ни на шаг. Теперь мы удостоверились, что роду Сельджука покровительствует божественная помощь и что он подходит для падишахской власти. То, что произошло — разрушение городов и причинение страданий людям — не |33| [460] дозволено по божественному закону. Это недопустимо в особенности теперь когда вы придерживаетесь святого шариата и правой веры... Вместе с тем вы претендуете на власть. Хорасан,

наиболее культурное место во всем мире, находится в разрушенном состоянии от этих войн. Население мервской области остановилось на мысли подчиниться (вам). Мы возлагаем надежды на вашу милость».

Сельджукские эмиры спросили: «К чему вы клоните?» Трое ученых ответили: «Мы вручаем Мерв вашим слугам, однако при том условии, что населению не будет причинено вреда воинами».

Эмиры приняли это предложение; заключили договор и (дали) обеты. Ученые, довольные, вернулись назад и послали ключи от (городских) ворот Тогрул-беку и Чагры-беку. Оба брата вступили в город. Эмир Чагры-бек по указанию своего старшего брата, назначив наместников и управляющих дал приказание восстановить разрушенные хозяйства и поместья (дийа' акар). Он разослал по всему Хорасану призывные письма, и люди которые бежали из области, возвратились на свое место. Была прочитана [36] хутба с именем Тогрул-бека, начальство над войсками получил Чагры-бек.

Когда Сюбаши, (находившийся) в Дихистане, узнал о происшедшем, дым изумления окутал башню его рассудка и он понял, что бог покровительствует роду Сельджука. Но, несмотря на это, он собрал громадное ополчение и пошел в Мерв воевать с сельджуками. Сельджуки, получив сведения о движении Сюбаши, призвали тех трех ученых, которые приходили из города во время осады, и, изложив перед ними все, что произошло, спросили у них: желает или не желает население (сельджуков). Те люди заявили «Простые и благородные, начальствующие и подчиненные этой области на стороне сельджукской державы, вообще они не таят на сердце никакого вероломства и никакой измены, так как благодаря им (сельджукам) жизнь живущих в этой стране исполнена добра и благоденствия. Боле того — чтобы помочь (сельджукам), они не пожалеют ни жизни, ни имущества».

Услыхав этот правдивый ответ, эмиры оставили в городе правосудного наместника и, приготовив все, что нужно для войны, пошли против Сюбаши. Когда тот и другой из противников сошлись и оба войска построились в боевой порядок, пошли в дело и сабли, и стрелы, и копья, и кинжалы. [37] Сражение продолжалось от восхода до захода солнца... Наконец, победа склонилась на сторону сельджуков. Сюбаши ушел в Герат в сопровождении небольшого количества людей. В руки сельджуков попало много добычи и масса всякого добра... Несмотря на то, что сельджуки были сильны и могущественны, они сделали своим лозунгом прощение и снисходительность. Они дали пощаду побежденному войску и не позволили ни одному воину из войска своего преследовать бегущих и марать руки в (их) крови. Разослав известия о победе во все стороны, они извещали об этом (своих) друзей.

Глава о сельджуках в Нишапуре и событиях этого времени

Когда Сюбаши, разбитый в сражении с сельджуками, ушел в Герат [38] Тогрул-бек и Чагры-бек послали в Нишапур искусного на речи посла и известили жителей этого города о положении вещей. Тамошние жители услышав об этом, обрадовались. Ученые и богословы, вельможи, государственные сановники, управляющие и военачальники — (все) отправились с подарками и подношениями в лагерь сельджуков. Добравшись до лагеря, они рассыпались в славословиях у подножия трона Тогрул-бека и изъявили покорность и

подчинение. Тогрул-бек вместе со своим братом направился в Нишапур и, вступив в этот город в добрый час, сел на султанский трон. По истечении десяти дней Чагры-бек направился в Герат и завоевал эту [461] область. Поручив управление Гератом своему дяде, сам он ушел в Мерв и стал управлять той областью, разостлав ковер справедливости и благодеяний. Весь Хорасан, за исключением Балха, прочел хутбу с именами обоих братьев.

После того как бежавший из Герата Сюбаши прибыл в Газну, султан Мас'уд разразился упреками и порицаниями, обратившись к нему с жестокими словами. Сюбаши, ища оправдывающих вину доводов, сказал: «Беда произошла не от меня. Разве можно сопротивляться решению небес и [39] божественному предопределению».

Султан немедленно же приказал открыть казнохранилища, выдать без счета денег воинам, и с войском, неисчислимым, как муравьи и саранча, и с 60 слонами он выступил из Газны. Через 7 суток он остановился в Балхе, занялся исправлением башен и стен, укрепил город и разослал большое число солдат сторожить дороги. Чагры-бек, получивший сообщения о султанине, разослал во все стороны гонцов и затребовал помощи от своего дяди и других сельджукских эмиров. Они же замедлили высылкой подкреплений, и Чагры-бек, выступив из Мерва со своею свитою и военачальниками, направился к Балху. В это время один из офицеров (сарханг) Чагры-бека, который (долго) жил на некоторых пастбищах около Балха, выждав удобный случай, подъехал с 30 всадниками к краю лагеря султана Мас'уда и угнал одного слона из тех слонов, что принадлежали султану. Часть вожakov бросилась за ним в погоню. Офицер Чагры-бека обратил их в бегство, а слона доставил Чагры-беку в лагерь. Узнав об этом [40] происшествии, Мас'уд понял, что солнце его могущества идет на закат.

Год и шесть месяцев султан Мас'уд просидел в Балхе. Туркмены грабили и опустошали окраины, местечки и деревни той области. В месяце мухарраме 429 г. (= X — XI 1037) султан, организовав и снарядив войско, с 70 000 всадников и 30 000 пехотинцев отправился воевать с сельджуками. Чагры-бек, не считая целесообразным оставаться (в Мерве), пошел в Серахс. Там к нему присоединились Тогрул-бек и их дядя. Когда султан Мас'уд достиг Мерва, он задумался над своим предприятием и сам с собою размышлял: «Уже до того, как сельджукские эмиры соединились вместе, Чагры-бек обнаружил такую храбрость, от которой мутится рассудок. Теперь, когда ему на помощь пришли Тогрул-бек и другие сановники государства, можно представить, до чего дойдет дело».

Вследствие этого он увидел правильный выход в мире и устроил совещание с государственными чиновниками по этому поводу. Люди опыта одобрили эту мысль, и султан отправил своего везира к сельджукам в качестве посла с тем, чтобы он приложил все старания заключить мир. Когда везир [41] достиг места своей цели, Тогрул-бек и Чагры-бек оказали ему уважение и почести за все время (его пребывания у них). Итак, мир был заключен. Султан Мас'уд направился в Герат, Тогрул-бек в Нишапур, а Чагры-бек в Мерв. Семь месяцев Чагры-бек осаждал тех газнийцев, которых султан Мас'уд оставил для охраны Мерва. Наконец, они стали просить прощения, и им была оказана пощада. Управление Мервом вторично попало в руки Чагры-бека. Когда султан Мас'уд услышал, что Чагры-бек опять занял Мерв, он понял, что род Сельджуков хочет завоевать господство и что малым он не удовольствуется. Поэтому он со своим войском двинулся быстрым маршем и повернул в сторону Нишапура. Тогрул-бек был осведомлен о его приходе. После

совещания он очистил город, выйдя из него. Получив сведения об этом, Мас'уд преисполнился радости и счел уход Тогрул-бека за предзнаменование .собственного счастья и успеха. В ту зиму |42| он остался жить в Нишапуре, и в течение этого времени туркмены постоянно производили грабежи деревень и подвластных той области районов. [462]

Когда шах звезд (солнце) вошел в свою благородную обитель, (Т. е. когда наступила весна.) султан Мас'уд послал войско на борьбу с Тогрул-беком. А Тогрул-бек, как того, требовали обстоятельства времени, отправился в другую оторону. Мас'уд вообразил, что Тогрул-бек дал невесте государства такой (полный) развод, что к ней уже более не возвратится. Выразив удовольствие по этому поводу, он сказал сам себе: «Если один брат бежал, то с другим можно расправиться легко». И, считая борьбу с Чагры-беком легким делом, он из Нишапура пришел в Серахс. Но так как ночью он увидел там дурной сон, то из Серахса ушел. Эмир Чагры-бек отослал в пустыню багаж и, не думая о численности врага и обилии его военных средств, с войском, которое было при нем, двинулся из Мерва, остановился лагерем в Данданкане и поставил в караул 300 человек из самых храбрых воинов. Султаном Мас'удом, когда он узнал о дерзостной отваге (неприятеля), овладели неудержимый страх |43| и непреодолимое волнение, так как он вовсе не предполагал, что Чагры-бек, один, без дяди и брата, начнет борьбу. Встреча враждебных сторон произошла в месяце рамазане 431 г. (= V-VI 1040). Сражение было таким кровопролитным, похожего на которое и подобного которому на свете ни видывали и тысячу лет тому назад. Когда султан Мас'уд на страницах своей судьбы явственно прочел признаки бессилия и падения, он напомним (всему) войску — и знаменитым и простым — о благодеяниях и о своем (военном) искусстве, сказал: «Если мы отдадим Хорасан туркменам, то из этого ничего не выйдет, кроме унижения и потери. Теперь надо сосредоточить желание на том, чтобы биться мужественно и не попасть в ряды трусов».

Такого рода речи держал султан. С удовольствием их не слушал никто, и большая часть войска в самом непродолжительном времени бежала с поля сражения. Он же со своими приближенными оставался еще некоторое время, но потом был принужден обратиться в бегство и сам вследствие натиска и (превосходства) силы туркмен. Туркменское войско хотело |44| погнаться вдогонку за беглецами, но Чагры-бек воспрепятствовал этому и не позволил, чтобы кто-нибудь из солдат стал преследовать их. Разбитый султан Мас'уд бросился в Газну и (потом) в Индию. Конец его истории описан в главе о газневидах — повторять нет нужды.

В одной из хроник говорится, что Сельджук был одним из богачей Туркестана и имел четырех сыновей: Ибраила, Микаила, Мусу и Юнуса. По какой-то (неизвестной) причине Сельджук из места своего рождения пришел в Мавераннахр. После смерти Сельджука между султаном Махмудом Себуктегином и одним из ханов с высоким положением укрепились основы дружественных отношений. Последний заявил султану: «Так как султан большую часть времени проводит в войне с неверными Хиндустана, так может случиться, что в отсутствие его величества произойдет вред государственному порядку от рода Сельджука — племени могущественного и состоятельного. Если бы султан, питая к ним дружественные чувства, имел при себе одного из них в качестве заложника, то это весьма не повредило бы.

Когда эти сочувственные слова были услышаны (султаном), он отправил к сельджукам одного посла — красная, который колдовством своей речи [45] развязывал узелки недоверия у (самых осторожных) людей.

Послав им дружеские заявления, султан приглашал к себе одного из сыновей Сельджука. После совещания сыновья Сельджука нашли, что из них всех Исраилу правильнее будет пойти к султану. С одобрения братьев он отправился в лагерь султана с отрядом туркменских воинов. Султан, скрывая свое намерение, отправил к Исраилу посла (с уведомлением); «В настоящий момент нам нет нужды в войсках и армиях, так как главная [463] наша цель — укрепление основ дружбы. Если воинов освободить от перенесения тягостей путешествия, то это будет приличнее».

Согласно выраженному желанию Исраил с ограниченным количеством воинов поехал к Махмуду... Когда он удостоился встречи с султаном, Махмуд почтил его высоким царским вниманием и усадил его вместе с собою [46] на сидение. Исраил пренебрег тем, что нельзя доверять нраву царей и их леги; не принял он во внимание совет: «остерегайтесь дверей султанов» и, разостлав ковер веселья, наговорил много лишнего: и про обилие скотины, и про многочисленность воинов, и про род свой — все доложил султану. И это обстоятельство послужило причиной того, что мысли падишаха направились в дурную сторону.

Подробности этого краткого повествования заключаются в том, что во время беседы султан спросил у этого туркмена: «Так как я провожу большую часть времени в борьбе с неверными в Хиндустане, то Хорасан остается без хозяина. По этой причине преступные мечтания овладевают мыслью каждого мятежника и завистника, побуждая их покушаться (на захват) областей. Если когда-нибудь (у меня) случится нужда в военных подкреплениях, сколько тысяч человек из ваших людей может прибыть ко мне на помощь?»

Исраил дал султану одну стрелу и сказал: «Если эту стрелу пришлешь моему племени, 100 000 всадников придет тебе на помощь». Султан [47] спросил: «А если потребуется больше?» Тот ответил: Вот эту другую стрелу пошли на (гору) Балхан — и (к тебе) направятся 60 000 всадников». Султан заметил: «А если потребуется еще больше?» Исраил вложил в руку султана лук и сказал: «Если этот лук пошлешь в Туран, (к тебе) явятся служить 200 000 всадников».

Султан испугался (такого) множества туркмен. (Сперва) он хотел было передать вожжи жизни Исраила в жестокие руки (ангела смерти) Азраила, и в урагане гнева вырвать деревцо его жизни с речного берега юности. Но пораздумавши — многочисленность его племени и множество его рода послужили препятствием — султан решил заковать Исраила и посадить в темницу. В течение трех дней и трех ночей они пировали без перерыва, услаждая себя звуками ребаба (Ребаб — музыкальный инструмент вроде домбры.) и лютни. Когда Исраил и сопровождавшие [48] его, по истечении упомянутого времени, погрузились в беспечный сон, султан отдал приказ надеть на ноги каждому тяжелые оковы. Когда Исраил пробудился от пьяного сна, он почувствовал себя разбитым, с цепями на руках и на ногах. Сколько он ни озирался вокруг себя, он не видел дороги к спасению и избавлению — и подчинился судьбе волей-неволей. Султан отослал его в крепость Каланджар, отличавшуюся неприступностью среди крепостей Индии. В тех стенах Исраил оставался в заточении 7 лет. В той же стране он и умер. Сын его Кутулмыш, чтобы иметь сведения о положении отца, жил

около тех мест. После смерти отца в сокрушении сердца, в слезах и безнадежности, бессильный отомстить, он направился в Бухару и поведал о печальном событии другим братьям. По этой причине пирование их превратилось в плач, и город их единства стал пустеть. |49|

Прошло некоторое время после этого события. Сельджуки отправили посла к султану Махмуду, прося разрешения перейти Джейхун и выбрать себе юрт (Тюркский термин «юрт» — «территория, место для кочевков» получил распространение в Средней Азии и Иране только в монгольскую эпоху, хотя в соединении с персидским «гах» — «место» он находится в одном документе XII в. (выше, стр. 319).) в окрестностях Несы и Абиверда. Султан дал разрешение, а Арслан Джазиб этого поступка не одобрил и сказал: «Это не согласуется с требованиями (мудрого) управления. Помимо того, что туркмены-сельджуки многочисленны, они и в прошлом бунтовали и враждовали. (При [464] таких условиях) открывать им дорогу в свое государство и заводить знакомство с ними — кажется странным...»

Этого совета султан не послушал и в суть этого замечания не вник. Племя же то перешло через Джейхун и поселилось в степях Несы. Долгое время они жили покойно и, пока султан Махмуд был жив, непокорности во |50| и возмущения не проявляли. Когда же он умер, (и) очередь царствовать дошла до султана Мас'уда, Тогрул-бек и Чагры-бек послали письмо нишапурскому амиду и правителю Туса, прося его назначить им место в окрестностях Нишапура. Мас'уд в то время находился в Джурджане, и амид направил просьбу сельджуков султану. Чтобы дать отпор сельджукам и уберечь свои земли, наследные и завоеванные, он вернулся из Джурджана и прибыл в Нишапур. Так как войско ослабело от влияния астрабадского климата и животные от непрерывных передвижений были разбиты, султан не мог выступить лично и дал приказ одному полку, уберегшемуся от бедствий, причиняемых судьбой, напасть на лагерь сельджуков. Это войско, сделав быстрый марш, внезапно напало на них, и сельджуки, которые не были подготовлены к сражению, естественно, были разбиты и то, что имели, отдали на расхищение и грабеж. Но в скором времени они вернулись назад, и между двумя противниками произошло большое сражение. Войско |51| султана Мас'уда было разбито. Часть солдат была истреблена, часть вернулась к султану. Множество имущества и оружия попало в руки сельджуков.

Могущество братьев достигло высоты обоих фаркадов. (Два фаркада — две звезды (***) и (***) в созвездии Малая Медведица.) Мас'уд без промедления приказал правителю Хорасана выступить на борьбу с противниками. Хорасанский правитель послал Мас'уду заявление, что, мол, на всякое дело требуется (соответственная) сила: туркмены значительно сильнее, и с ними нельзя справиться при помощи того войска, какое у него в распоряжении. Когда этот ответ дошел до Мас'уда, он пришел в гнев и сказал: «Этот человек хочет покойного уголка, чтобы протянуть ноги, ничего не делая».

Услышав эти слова, правитель Хорасана оседлал скакуна послушания и, надев кольчугу повиновения, а голову покрыв шлемом надежды на помощь божью, со вздохом: «что поделает человек против судьбы!» — пошел |52| воевать с сельджуками.

При первом натиске он не смог устоять против них. После того как он был разбит, сельджуки поделили между собою хорасанскую страну: Тогрул-бек, усевшись на султанский трон в Нишапуре, установил основы

справедливости и правосудия, Чагры-бек же устроил свою столицу в Мерве; Когда Мас'уду донесли о победах сельджуков, он с неимоверно громадным войском выступил из Газны и направился в Хорасан. Подойдя к границам той страны, он услышал, что Тогрул-бек находится в Тусе, а Чагры-бек в Мерве. Считая это обстоятельство — что братья находятся не вместе — большой удачей, султан сел на слона, отобрал несколько отрядов и сделал быстрый марш, чтобы дать Тогрул-беку должный урок. Но счастье Тогрул-бека бодрствовало. Ранним утром султан, уже приблизившийся к Тусу, погрузился в сон, (сидя) на спине слона. Никто из придворных слуг и приближенных не разбудил султана, боясь его гнева, никто не осмелился нарушить его покой, так как он (до того) страдал от бессонницы. Когда султан пробудился от сна, братья, которые воспользовались этим [53] обстоятельством, уже (успели) соединиться. Мас'уд, осведомленный о том, что они уже соединились, по необходимости вернулся назад в свой лагерь.

Султан Мас'уд снова приготовился к войне, и между ним и сельджуками произошло сражение, которое было неопишным. Перед сражением сельджуки набрали воды сколько им было нужно, засыпали землей ручьи [465] с водой, а газнийцев во время сражения одолела сильная жажда: они оказались бессильными сражаться и, бросив посреди сражения султана, обратились в бегство. Султан, в гневе сев на слона, один вид которого производил дрожь в сердце камня и заставлял трепетать тигра и леопарда, обратился в бегство. Некоторые из неприятелей пустились за ним в погоню. Хотя султан и кричал им громко, что для них лучше воротиться назад, они его не слушали. Тогда султан выждал, пока они не приблизились. Тяжелой, как камень, палицей он положил бездыханным одного из отважившихся напасть на него, (положив) вместе с конем. Другие, увидевшие тот удар, отказались от преследования...

[54] Переводчик книги «Мелик-намэ» говорит:

Когда султан Мас'уд, разбитый Чагры-беком, обратился в бегство, тысяча человек из военачальников его были пойманы и взяты в плен. Чагры-бек, движимый состраданием, дал свободу всем пленникам и, снабдив их лошадьми, платьем, припасами и вьючными животными, позволил им уехать. Эти люди, благодарные и радостные, вернулись на свою родину.

После этих событий Чагры-бек, снарядив войско, направился к Балху. [55] То лицо, которое управляло этой страной от имени султана Мас'уда, занялось починкой башен и стен, приготовив все необходимое, чтобы выдержать осаду. Отправив в город послов, Чагры-бек угрожал балхскому правителю и предостерегал его от враждебных действий. Он же приказал бросить послов в тюрьму. Сделав призыв к восстанию, он поднял знамя раздора и упрямства, вследствие чего войско Чагры-бека начало грабить и опустошать, и в окрестностях Балха не осталось ничего целого.

В это время Чагры-бек услышал, что Маудуд ибн Мас'уд движется с войском и что 2000 солдат уже находятся близко в качестве сторожевого охранения. Чагры-бек был принужден отрядить часть туркмен для отражения неприятелей. После того как враждебные отряды сошлись, завязалось серьезное сражение. Маудуд ибн Мас'уд был разбит, большое количество газнийцев пало убитыми, один из его главных военачальников по воле судьбы был схвачен и попал в плен. Когда это известие дошло до правителя Балха, на него напал страх, и он не решился воевать с Чагры-беком. [56] В это же самое время до балхского населения дошли слухи о

смерти султана Мас'уда. И войско и население этого города стали просить пощады, испуская вопли. Шейхи и ученые, выйдя из города, стали просить о заступничестве и помиловании. Чагры-бек простил им грех и полою снисхождения покрыл их ошибки. Завоевав Балхскую область и поручив ее правосудному и благородному военачальнику, он направился со своим войском к берегам Джейхуна. В том краю хорезмшах числился среди приближенных (султана).

Причина прибытия Чагры-бека (в Хорезм) заключалась в том, что Шах-мелик, военачальник и полководец хорезмшаха, поднял бунт и пошел против последнего, лишил его власти в той области, а хорезмских сановников, эмиров и знать заставил помогать себе. Когда хорезмшах удостоился быть представленным Чагры-беку, он рассказал ему о случившемся и смиренно, с униженными мольбами, обратился к этому владыке за помощью, прося его привести в порядок их дела. Обнадежив хорезмшаха обещаниями, [57] Чагры-бек сказал, что он завоюет ему его наследное государство и выполнит сказанное в пословице: «Благородный держит свои обещания». Несколько дней спустя Чагры-бек отправился в Хорезм во главе войска. Шахмелик, подобно черепахе, спрятался в стенах, накрывшись щитом сопротивления и обороны. До того как появилось войско Тогрул-бека, Чагры-бек приступил к осаде Шахмелика, однако ему не удавалось взять Хорезма. Так как он считал бесполезным (здесь) оставаться, то он сказал хорезмшаху: «Будет больше пользы, если мы вернемся и проведем зиму в Хорасане. [466]

А весной — временем, благоприятным для передвижений войска, вторично направимся сюда вместе с султаном Тогрул-беком».

После того, ударив в барабан отступления, Чагры-бек отправился в свою столицу. Когда же наступила весна, Тогрул-бек и Чагры-бек вместе пошли в Хорезм и, достигнув города, выбрали подходящее место для остановки. Так как Шахмелик не выходил из города, чтобы решить дело, то [58] время осады затянулось. В конце концов, (прибегнув) к сельджукскому приему, осаждающие сделали притворное отступление, и хорезмийцы, воображая, что они обратились в бегство, вышли все скопом из города и пустились в погоню за туркменами. Туркмены же остановились, вынули сабли и повернули сражаться с эмирами и вельможами Шахмелика. Произошла схватка, окончившаяся победой Тогрул-бека и Чагры-бека. Многие-из хорезмийцев были убиты. 40 человек из приближенных Шахмелика попали в число пленных. Когда же известие о поражении войска Шахмелика дошло до хорезмийцев, население и сановная знать Хорезма поспешили на поклон Тогрул-беку и Чагры-беку. Волей-неволей пришлось Шах-мелику бросить власть и со своею семьею и свитою бежать в степь и пустыню. Туркмены занялись грабежом и захватили большую добычу. Покрытый [59] срамом Шахмелик хотел присоединиться к правителю Газны, чтобы с его помощью отомстить сельджукам, но по дороге получил возмездие за свои поступки — попал в плен, и с делом его было покончено. После этой явной победы Тогрул-бек ушел в Дихистан, оттуда он направился в Джурджан и эту область покорил. Из Джурджана он повел войско в Рей. Его противники были побеждены им, и он в срок, меньше чем один год, завоевал города. Ирака...

Справив свадьбу своего наследника Меликшаха, султан Алп-Арслан [90] приказал построить крепкий замок в окрестностях Шадьяха (В издании: Шадбах.) и наполнил; этот замок драгоценной утварью и бесчисленными сокровищами. (Затем) он отдал солдатам приказ приготовиться к походу в Мерв. 300 000 отборных всадников отправились с ним. Окончив путь, он остановился в Мерве и прежде всего посетил могилу своего отца Чагры-бека... В это время ему доложили, что правитель Хузистана мелик Хазарасп направляется ко двору падишаха. Когда он был уже близко, султан выслал навстречу ему ходжу Низам-ал-мулька и других государственных сановников, которые и привели мелика Хазараспа с почестями и помпой в султанский дворец. Когда он удостоился поцеловать султанскую руку, робость его немного прошла. Он стал просить прощения за свою вину, заключавшуюся в том, что он промедлил встать в ряды свиты. Султан, обласкав его, сказал: [91] «перед нами поход на Хорезм и мы надеемся, что в этом походе мелик примет участие». Мелик с благодарностью дал согласие на это предложение. Султан распорядился распределить солдат на три группы: каждая из них пойдет в Хорезм по одной из дорог.

Когда слух о выступлении Алп-Арслана из Мерва дошел до Фагфура, (Т. е. императора Китая (средне-перс. «сын бога»). Все это место, очевидно, — выдумка для прославления могущества Алп-Арслана.) последний, охваченный страхом, отправил посла и заявил, что если в настоящий момент султану желательно сюда пожаловать, то пусть он уведомит своего слугу, который, разукрасив города и селения, поднесет ему дары. Султан ответил, что тех враждебных отношений, которые существовали раньше между ним и Фагфуром, теперь не существует. Пусть он успокоится, [92] так как султанское войско направляется в Хорезм и те пределы, чтобы [467] наказать Кафшата (***)¹, Джизи (***)² и некоторых других из врагов. Обрадованный посол вернулся, и это ободряющее известие доставил Фагфуру.

Десятого мухаррама 458 г. (= 12 декабря 1065) султан вступил в г. Хорезм и сел на султанский трон. Несколько дней спустя султан, оставив здесь Меликшаха с ходжой Низам-ал-мульком, меликом Хузистана и группой эмиров, двинулся против врагов собственной персоной с частью войска. Ходжа поспешил вслед за султаном, прося дозволения быть около высокого стремени. Просьба его была уважена, и они направились в пустыню. Между тем дозорные заметили одного всадника, ехавшего с поспешностью. Когда его поймали и учинили допрос, выяснилось, что это шпион, подвергший себя риску погибнуть. Поэтому его задержали и отвели к султану. Султан приказал отрубить ему голову. Шпион сказал, что если султан окажет ему пощаду, то он проведет войско в [93] местопребывание Джази. Султан простил шпиона и вознамерился сделать на Джази ночное нападение. . . Между тем Джази приготовился к битве, имея 30 000 всадников, собранных со всей области. Султан объявил набег и с 30 (sic!) всадниками подъехал к лагерю Джази. Здесь завязалось сражение, и Джази был разбит. В это время подоспели султанские войска и, вынудив сабли, произвели ужасное избиение. После этой победы султан, отправив посла, потребовал к себе Кафшата. Кафшат встретил посла с [94] почетом и смиренно заявил о своем подчинении султану. Удовлетворенный посол вернулся назад и доложил о положении дела. Султан освободил Кафшата от наказания и, не подвергая нападению его область, направился к Хорезму. Мелик Ахваза и Хузистана, эмиры и сановники вышли его встретить и удостоились целования султанских ног. Султан вошел в Хорезм. Несколько дней спустя он осчастливил мелика Хазараспа падишахскими милостями: дал барабан и знамя, в числе султанских подарков были — тысяча лошадей и 50000 баранов, и отпустил его в Хузистан. Мелик Хазарасп удалился, рассыпаясь в благодарностях.

В сезон зимы и наступления усиленных холодов султан объявил поход в Дженд. Правитель Дженда, услышав о выступлении султанского войска, сильно перепугался и после совещания отправил в султанский лагерь

свою мать со смиренными просьбами о покровительстве и драгоценными подарками, состоявшими из платьев из му'ляма, лошадей с таврами, болгарских [95] бобров и татарских гулямов. И эта женщина подошла к трону султана и поцеловала султанскую ногу, выполнив этикет самоунижения и мольбы о покровительстве. Султан дал ей согласие на покровительство и пожаловал государство ее сыну. (Затем) переправившись через Джейхун, он поручил управление Хорезмом отраде очей своих Арслан-шаху. Дойдя до Кята, бросил луч милостей на развалины этого города и восстановил все разрушенные здания. Заложив в месте большую соборную мечеть, он выступил оттуда, и, сделав несколько переходов, 7 джумади II упомянутого года (= 6 V 1066) он прибыл в Мерв. Со всех стран постоянно и непрерывно прибывали послы и послания с дружественными заявлениями. В том числе один посол от правителя Газны, другой от хакана из страны Турана. После представления достойных подарков, они были удостоены почетных халатов. Разрешив послам откланяться и посетив гробницу своего отца, султан отправился в Тус. Сделав переходы и добравшись до той лучезарной страны, он совершил обряд хождения вокруг гробницы (мешхед) имама Али ибн [96] Мусы ар-Ризы. Оттуда он устремился в Радкан и в той зеленеющей и благоуханной местности, которая была подобием райского сада, остановился пожить. Он разослал по всей области гонцов, приказав явиться войску, и, когда воины собрались под тень его победоносного знамени, отдал распоряжение поставить золотой трон, украшенный драгоценными камнями. [468]

Султан заставил Меликшаха взойти на него, и сановная знать, повинувшись султанскому приказанию, еще раз принесла присягу Меликшаху. После того султан облек его статную фигуру в халат и обратился к нему с наставлениями и советами. Каждого (из приближенных) в соответствии с их достоинствами султан порадовал лаской и милостями.

Освободившись от государственных дел, в половине ша'бана 458 г. (= VII 1066) Алп-Арслан отправился в Нишапур.

Глава о начале завоеваний победоносного хакана (Т. е. Султан-Хусейна; в дальнейшем эта формула заменена нами его именем.) и проявлении им вражды к мирзе Санджару

(Изложена у В. А. Жуковского (Развалины Старого Мерва, стр. 70-71) и В. В. Бартольда (Мир-Али-Шир, стр. 119-120). Перед этим Мирхонд рассказывает о приходе Султан-Хусейна к Султан-Санджару; последний дал ему в жены свою дочь Биге-султан.)

[5] Так как предопределению был угодно посадить Султан-Хусейн-мирзу на султанский трон и возложить на голову его царскую корону, то во время пребывания Султан-Хусейна в Мерве произошло вот какое дело. Перестав скрывать свою вражду к мирзе Санджару, он захватил престол. В месяце ша'бане 861 г. (= VI-VII 1457), когда мирза Шах-Махмуд ибн Бабур понес поражение от войска мирзы Ибрахима ибн Ала-ад-дина, мирза Санджар назначил своим наместником в Мерве Султан-Хусейна, а сам поспешил отправиться в Мешхед. В отсутствие мирзы Санджара между мирзой Султан-Хусейном и Хасаном арлатом, который был одним из слуг правительства Санджара, возникла вражда. Хасан имел намерение схватить Султан-Хусейна. Последний, получив сведения об этом через лазутчика, с 5 отважными всадниками выехал из города. К нему присоединился ясаул Джан-Али с 60 всадниками. Султан-Хусейн, надеясь на победу, открыто вернулся в

город, заключил в оковы эмира Хасана и таким образом захватил [536] власть. На другой день несколько слуг мирзы Санджара, как, например,. Мухаммед-бек Ширази, шейх Зуннун Ираки и другие эмиры, собрались, вместе. Когда Султан-Хусейн, ради соколиной забавы, выехал из города, они вынули меч вероломства из ножей мести и около дивана убили Нур-ад-дин-шейх бехадура, Шир-Али и еще некоторых других из приближенных Султан-Хусейна. Подняв бунт из приверженности к мирзе Санджару, они захватили ворота и, укрепив башни и стены, стали призывать к мятежу. Вали, брат Джан-али, при помощи хитрости бежал из города и, пробравшись к Султан-Хусейну, доложил обо всем, что видел.

[6] Чтобы уничтожить противников, Султан-Хусейн задумал взобраться на башни по лестницам. С отрядом в 60 человек он вошел на башню, которая находится в стороне Качкана (***), и градом стрел обратил в бегство мервцев, которые находились на другой стороне крепостного вала. По этой причине в городе произошли волнения и беспорядки. И знатные, и простой народ приготовились оказывать сопротивление Султан-Хусейну. Некоторые из его слуг (мулазим), которые стояли у подножия этой башни, узнав о нападении мервцев, посыпали прахом неверности темя (своего) счастья и бросились бежать. Поэтому Султан-Хусейн перед вечером спустился с той башни и отступил к Банд-и-султану. («Плотина султана» = Султанбенд) После прибытия в это место Хасан-и-Черкес и люди Иранджи, поспешив служить Султан-Хусейну, собрались вокруг него в количестве 200 человек.

Приблизительно в это же самое время мирза Санджар возвратился в свое местопребывание и отправил вслед за Султан-Хусейном большое количество эмиров и солдат. Между мервцами и балхцами (По весьма вероятному чтению В. А. Жуковского: между Мервом и Талхатаном.) завязалось сражение. Сперва Султан-Хусейн взял верх над мервцами, но под конец неприятели сделали дружную атаку и сразили Джан-Али-ясаула. Остальные же слуги (мулазим) его и упавшие духом солдаты бросили сражаться с мятежниками, так что с Султан-Хусейном осталось не более 25 человек. Тем не менее, Султан-Хусейн храбро продолжал нападать на неприятелей. Так как войско Султан-Санджара было многочисленным, Мухаммед Джан и Кул-Ахмед схватили под уздцы лошадь Султан-Хусейна и увлекли его с поля сражения. Неприятели, преследовавшие Султан-Хусейна на протяжении нескольких фарсахов, возвратились назад, не достигнув никакого результата.

Султан-Хусейн поспешил в Меручак и 16 дней провел между Пендждех и Бергсешахем, (Так у Жуковского.) и после того он перебрался оттуда в местность Ахте-Ахур. (Вариант: Ахте-Акур.) Так как в это время мирза Абу-Са'ид находился в Балхе и туда с отрядом султанских слуг бежал из Ахте-Ахура эмир Султан-барлас, то не оказалось целесообразным оставаться в этом месте, и (Султан-Хусейн), сев на лошадь, снялся со стоянки Ахте-Ахур и поспешил добраться до стоянки Баба-Якар (***), (Так в Лакн. изд., в Тег. нет; у Жуковского, по Хондемиру, Баба Канбар (***).) оттуда же направился в Махан. Несколько дней он блуждал по пустыне, претерпевая лишения и утешая себя помощью свыше. В это время мирза Муизз-ад-дин Санджар несколько раз посылал против Султан-Хусейна летучие отряды, однако не мог добиться какого-либо успеха, и одержать верх над противником ему не удавалось.

Султан-Хусейн провел зиму в пустыне, которая простиралась между Хивой и Мервом, и предавался терпению в ожидании божественной милости. [537]

Глава о походе Султан-Хусейна на Теджен и о победе его над врагами

Когда настала весна, Султан-Хусейн с 22 человеками слуг (мулазимов), большинство которых были пешие, направился из зимовья в Гёк-Гумбад (Т. е. «зеленый купол».) Мервский. Оттуда он направил в Паяб за лошадьми ходжу Ирди-ясаула в сопровождении 4 человек. Они пригнали 20 лошадей и привели их к Султан-Хусейну. Султан-Хусейн, распределив лошадей между слугами, направился в сторону Теджена (***).

Когда они прибыли в эту местность, Ариш-Ходжа Маниш, бежавший с отрядом солдат от Султан-Санджара, присоединился к Султан-Хусейну. Последний обласкал их и развернул походное знамя, чтобы идти на Несу. По дороге к нему примкнули Миср и Миршах-туркмен, бывшие в числе слуг Ала-ад-даула, за что получили благодарности и подарки. Когда они остановились на стоянке Кейкули (***), пришло известие, что эмир Баба-Хасан, военачальник мирзы Ала-ад-даула, вследствие нападения войска мирзы Джеханшаха туркмена, которое входило в число нукеров мирзы Ала-ад-дина, бежал из Джурджана и теперь идет со стороны Абиверда вслед за Султан-Хусейном. Услышав это сообщение, Султан-Хусейн с 300 человек, собравшимися около него, повернул к Джурджану и утром в Абиверде настиг эмира Баба-Хасана. Завязалось сражение. Войска эмира Баба-Хасана потерпели большой урон, и под конец, благодаря ярости неприятельского натиска, джурджанское войско бросило всякое сопротивление и обратилось в бегство. Люди из отряда Султан-Хусейна схватили Баба-Мир-Хасана и убили его.

Солдаты из войска Баба-Мир-Хасана стали просить пощады и, получив помилование, были приняты на службу. Эта победа, которая была началом побед Султан-Хусейна, произошла в раджабе 862 г. (= V-VI 1458). Султан-Хусейн из Абиверда отправился в Несу и, взяв налог (мал) года барса с этой области, распределил его между эмирами и солдатами.

Глава о походе Султан-Хусейна на Астрабад и завоевании той страны

В то время, когда войско (Султан-Хусейна) стояло в области Несы и Абиверда, Шах-Гариб, Абдаллах Камар-ад-дин и Абд-ар-рахман-аргут [7] отказались служить Султан-Санджару и примкнули к Султан-Хусейну. Султан-Хусейн, блюдя права родственности, послал в Мерв Махмуда Туркостани, известного под именем Ильчи-Фирака, с целью укрепления согласия и союза. Мирза Санджар, не раздумывая, арестовал Махмуда, а Хасан-Тимура и шейха Зуннуна с войском отправил в Несу и Абиверд. Услышав об этом, Султан-Хусейн пришел в страшный гнев и хотел немедленно отправиться туда, чтобы рассеять тот отряд. В этот момент в его лагерь прибыло около тысячи всадников из племени джелаир и других воинов из области Джурджан и придали блеск невесте Астрабадской провинции в глазах Султан-Хусейна. Языком преданности и дружественного расположения они доложили следующее: так как Хусейн-садлю, выделявшийся своими качествами среди большей части туркменских военачальников (Речь идет об азербайджанских туркменах, захвативших при династии Кара-коюнлу Мазандеран.) и вельмож, в настоящее время управляет Джурджанской областью и на других смотреть не хочет, то следовало бы, чтобы он был разбит походом его величества и чтобы другие туркмены не смогли пребывать в Хорасане, чтобы сад наследственных владений

очистился от колючек смуты и чтобы для каждого чагатайского военачальника двор его величества мог бы [538] служить убежищем и приютом. Доложив эти речи Султан-Хусейну, они побудили его выступить.

Во время прибытия его в Фируз-Айд (?), Мухаммед Худайдад, который ранее был одним из эмиров мирзы Бабура, с большим отрядом прибыл ко двору, и каждый день (к Султан-Хусейну) на службу прибывали люди токтамыш и сияхпуши. Когда, с другой стороны, Хусейн-садлю получил сообщение о выступлении Султан-Хусейна, он, выйдя из Астрабада, расположился лагерем в Султан-Мейдане. Утром в понедельник, в первую десятидневку месяца зу-л-хиджа 862 г. (= середине X 1458), султан Хусейн-мирза дошел до Султан-Мейдана и поднял боевое знамя. Тогда с той и другой стороны стали деятельно готовиться к сражению. Сперва один отряд Хусейна-садлю, пройдя через правое крыло, приблизился к центру войска Султан-Хусейна и открыл сражение. Принимая в сражении непосредственное участие, Султан-Хусейн одного из храбрецов заставил попробовать напитка смерти. Затем выступил вперед и другой, но и этому пришлось глотнуть из того же неприятного кубка. Хусейн-садлю и несколько туркменских военачальников, увидев, что победа склоняется на сторону Султан-Хусейна, обратились в бегство. Войско Султан-Хусейна во время преследования неприятеля перебило много туркмен. Хусейн-садлю и некоторые захваченные в плен предводители, согласно приказанию, были умерщвлены. Султан-Хусейн богато наградил тех, кто отличился в этом сражении, и разрешил возвратиться на родину туркменским женщинам, освободив их от участи стать добычей солдат.

Глава о вступлении Султан-Хусейна на джурджанский трон и некоторых других событиях, происходивших в это время

[Когда Султан-Хусейн захватил верховную власть в Джурджане, он освободил область от насилия и беспорядков, чинившихся туркменскими войсками, и уничтожил зло, причиненное насильниками жителям этой области. Султан-Хусейн вступил в Астрабад, взшел на трон и начал царствовать. По совету Мухаммеда Худайдада он ввел хутбу и чеканку монет с именем Абу-Са'ида, дабы установить с последним хорошие отношения. Он щедро оделил милостями сейидов, казиев, благородных и знатных и оказывал справедливость и милосердие населению. Далее излагаются отношения между Султан-Хусейном и Абу-Сасидом.]

Бегство Султан-Хусейна в Хорезм

[8] [В джумаде I 864 г. (= II-III 1460) Абу-Са'ид выступил в поход против Султан-Хусейна. Последний был вынужден оставить Астрабад и двинулся в сторону Огрыча (***) и г. Адака. (В обоих изданиях: Удак (***), у Хондемира (ср. изложение у В. В. Бартольда, "К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море", стр. 26-27): Адак. Город Адак в XV-XVI вв. лежал где-то около Узбоя, на пути из Хорезма в Астрабад (Орошение, стр. 91).) Абу-Са'ид из-за дождя не мог его преследовать. Через 7 дней он достиг берега реки Амуя и с 500 людей переправился на лодках. Когда он расположился на берегу (реки) Амуя, люди Миршаха и Султан-Али, жившие в этой области, были обрадованы прибытием государя и выразили ему свои верноподданнические чувства. На этой самой стоянке Султан-Хусейн решил послать к Мустафа-хану в г. Везир (Город Везир, теперь в развалинах, лежал на Узбое, в 6 фарсах ниже Ургенча [Орошение, стр. 92—95].) [539] Абд-ар-рахмана-

джаду с тем, чтобы последний, предложив союз, попросил у него помощи. Мустафа-хан в это время принадлежал к числу узбекских ханов и владел некоторыми городами Хорезма. Прежде чем Абд-ар-рахман-джаду успел отправиться к Мустафа-хану, внезапно пришли султанские сторожевые отряды и принесли известие о приближении врагов. Они схватили одного человека из них и привели его к Султан-Хусейну. По расследовании выяснилось, что Пир-Будаг, брат Мустафа-хана, живет в этой области. Султан-Хусейн послал к Пир-Будагу послание и заключил дружественный союз. Пир-Будаг стал сватать сестру Султан-Хусейна и получил согласие, хотя ранее, будучи в Астрабаде, последний отказывал ему. Военачальники, находившиеся при Пир-Будаге, оставили его и донесли о случившемся Мустафа-хану. Между братьями возникла вражда, закончившаяся открытой войной.

Султан-Хусейн соединился с Пир-Будаг-султаном, и между противниками произошло сражение, в результате которого Мустафа-хан заперся в г. Везире, своей столице. Султан-Хусейн в союзе с Пир-Будагом повел осаду этого города, которая продлилась 41 день. Произошло 25 сражений, [9] и с обеих сторон погибло много храбрецов. Мустафа-хан заговорил о прекращении военных действий, и противники заключили мир. Когда Султан-Хусейн с прекращением осады г. Везира освободился, он с одобрения Ак-Суфи поспешно устремился в Адак и там в течение некоторого времени проводил дни в отдыхе.

В 865 (= 1460/61) г., услышав, что Абу-Сасид повел свои войска из Герата в Туркестан для войны с мирзой Мухаммед-Джуки, Султан-Хусейн, считая момент удобным, предпринял поход. Он двинулся к Астрабаду с небольшим числом войска и большими надеждами. Мирза Султан-Махмуд, которого отец (Абу-Са'ид) назначил управлять Джурджанской областью и который имел многочисленное войско, выступил ему навстречу. Сражение было очень упорным, но победа склонилась на сторону Султан-Хусейна. Военачальники Султан-Махмуда, эмир Шейх-Хаджи, эмир Алла-берди-бек и некоторые другие, были убиты, сам Султан-Махмуд бежал, и Султан-Хусейн в середине ша'бана упомянутого года (= середина мая 1461) вступил в Астрабад и во второй раз уселся на троне. (О дальнейших действиях Султан-Хусейна см.: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир, стр. 121 и сл.)

[10] В 866 (= 1463/62) г., после борьбы с Абу-Са'идом, Султан-Хусейн снова должен был оставить Астрабад. На совещании с эмирами было решено двинуться к Адаку. (В обоих изданиях здесь — Дак, ниже — Адак (***)). Во время ночного похода Султан-Хусейн заблудился и попал на дорогу, где из-за близости моря (Или реки; слово «Дарья» может значить и то и другое.) было много грязи и болот, вследствие чего его люди испытали большие трудности. Наутро он переправился через воду (аб) и остановился там на некоторое время. Так как его преследовал большой отряд войск Абу-Са'ида, то он снова выступил, через 4 дня прибыл в Адак и был радостно встречен населением.]

Глава о завоевании г. Везира и некоторых других событиях

[Султан-Хусейн прибыл в Адак. Доулет-ходжу - узбека, (В Лакн. изд.: Ауренг (***)). близкого к нему человека, он послал к Мустафа-хану с дорогими подарками и приглашением в силу родственных связей прибыть к нему для обсуждения важных дел. Доулет-ходжа отправился в г. Везир. Мустафа-хан хорошо принял посла, (говорил о слабости своей власти и извинялся, что не может поэтому выехать навстречу Султан-Хусейну. Он

послал навстречу последнему Османа, [540] сына Мухаммеда Суфи-кунграта и Я'куб-оглана. Отпустив посла, он сам выступил на зимовку. Султан-Хусейн выступил из Адака и расположился лагерем на берегу реки Джейхуна. На этой стоянке выяснилось, что вместо торжественной встречи Осман-кунграт, вопреки воле Мустафа-хана, составил план нападения. Султан-Хусейн переправился через Джейхун и расположился на берегу р. Асаф-угузу. (Так у Хондемира; в обоих изданиях Мирхонда: Усаф-угузу (***)). Когда жители г. Везира узнали о его приближении, группа храбрецов выступила ему навстречу. На другой день Мухаммед Али, брат Османа-кунграта, носивший прозвище мирзы Аяка (***) выступил из Везира навстречу приближающемуся войску Султан-Хусейна. После неудачного сражения Мухаммед-Али должен был отступить и запереться в крепости. В то время как его солдаты метали стрелы и камни с крепостных стен и башен, войска Султан-Хусейна, перейдя ров, быстро, подобно куропаткам, забрались на стену. Осман-кунграт бросил г. Везир и со всем войском Мустафа-хана бежал. Султан-Хусейн, вступивший в город победителем, дал место знатым, крестьянам и издольщикам (а'ян ва ра'айя ва музари'ан) в тени своего правосудия и милосердия. Осман-кунграт получил прощение. Жители Везира обратились к Султан-Хусейну с жалобами и просьбами. Они говорили: наша родина Хорезм. (Т. е. Ургенч.) Мустафа-хан насилием и несправедливостью привел нас сюда. Возлагая надежды на помощь его величества, мы надеемся снова обрести свою родину. Просьба их была принята благосклонно. Султан-Хусейн сам отправился в Хорезм и в непродолжительный срок восстановил и населил Джурджанию. Через некоторое время он вручил власть Зейн-ал-абидину Хиваки и для подготовки похода в Хорасан снова отправился в Адак. Жители Хивы восстали против своего правителя, назначенного Абу-Са'идом, Кутлуг-дервиша Илахи, и убили его сына. Султан-Хусейн пошел туда и захватил Хиву и другие города Хорезма. Затем он двинулся к Мерву. Когда Султан-Хусейн стал приближаться к Мерву, выяснилось, что сейид-асиль Аргун Хасан, Шейх-Тимур и сейид Мурад с большим отрядом войска Абу-Са'ида владеют этим городом. Султан-Хусейн повернул обратно в Хорезм.

| 11 | В 808 (= 1463/64) г. Султан Хусейн из Хорезма выступил в Хорасан; нигде не останавливаясь и не отдыхая, через Языр, Несу и Абиверд он достиг Нишапура и затем Туршиза. Далее описываются его действия в Хорасане. После поражения в Хорасане, Султан-Хусейн пришел в пустыню Махана и разграбил город и селения, откуда он направился в Хорезмскую пустыню, пройдя через канал Нурди (***) и мазар Тиш (***). В Хиве в это время правил Нур-Са'ид. Султан-Хусейн попытался взять ее, но не смог из-за храброго сопротивления жителей. Он отправился к Хазараспу, а оттуда к крепости Терсек. (Чтение предположительное, в обоих изданиях: Саршек (***)). Крепость Терсек зависела от Везира (Орошение, стр. 92.) Восстановил эту крепость и поселил в ней некоторых своих людей. Через некоторое время он отправился в страну узбеков и долго пробыл там. Затем он вернулся в Хорасан и захватил Абиверд и Несу. (О дальнейших действиях Султан-Хусейна см.: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир, стр. 122 и сл.)

| 17-21 | [Далее описывается борьба Султан-Хусейна с мирзой Мухаммед-Ядыгаром, происходившая в 1469-1470 гг. С обеих сторон в ней принимали участие азербайджанские туркмены — точнее, наемные туркменские отряды — со своими эмирами, беспощадно разорявшие Хорасан и переходившие с одной стороны на другую. Другая группа азербайджанских туркменских войск из Азербайджана пришла в 899 (= 1493) г. к сыну [541] Султан-Хусейна Беди'-аз-заману, правившему Астрабадом, и участвовала в войне между отцом и сыном. | 35 |

При описании событий, происходивших в Астрабадской области в 902-903 (= 1497-1498) гг. (борьба между сыном Султан-Хусейна Музаффар-Хусейном и внуком, сыном Беди-аз-замана, Мухаммед-Хусейном), (Ср.: В.

В. Бартольд. Мир-Али-Шир, стр 151-152.) [54] упоминается о сражении мирзы Мухаммед-Хусейна с «туркменами реки Атрека». В 905 (= 1499/1500) г. Мухаммед-Хусейн, снова правивший в это время Астрабадом, (Ср. там же, стр. 157.) услышав о выступлении Султан-Хусейна против него, отправился на берег реки Атрека и «прошел между туркменами этих пределов».

История сербедаров (из V тома Общей Истории Мирхонда «Раузатуссафа»). Холмогорова

История Сербедаров приложена Мухаммедом-Мирхондом Балхским в конце пятого тома его обширного труда, столь известного под именем «Раузатуссафа» Сад удовольствия, и, сколько известно, до настоящего времени еще не появлялась в переводе на европейские языки. Самый ход событий побудил персидского историка поместить свою повесть о Сербедарах пред началом истории Тимуридов (что составляет предмет тома шестого); потому что последний правитель Сербедаров Ходжа Али-Моаяд, не решаясь сопротивляться могущественному Тимуру, сыну Торагая, явился к нему в Хорасане, был принят милостиво и, по благосклонности завоевателя, удержал за собой свои области до самой своей кончины в 788 году, когда, по выражению одного персидского историка, «закатилось солнце владычества Сербедаров». Впрочем, это был по-видимому единственный сербедарский правитель, которому суждено было умереть естественною смертью и какой-то неизвестный поэт выразил год его кончины в следующем стихе или, точнее, в следующем слове «Мухаммед»:

«Если над буквою даль в слове Мухаммед поставишь точку, то узнаешь год кончины Неджмеддина-Ходжи-Али».

В буквенном счете буква дзаль означает 700, две [4] буквы м в слове Мухаммед означают 80 и, наконец, буква ха означает 8, что составляет 788-й год.

Государство Сербедаров, возникшее в Хорасане при слабых последних государях Гулагидской династия, существовало всего тридцать пять лет при двенадцати правителях, которые удерживались на своих местах единственно насилеи и падали также от безурядицы и от насилия своих приближенных. Начало этой военной республике положил некто Абдурраззак, сын Фазлюллы, при Султани Абу-Саид-Хане-Ходабенде; он в 738 году геджры заколот родным братом Веджих-еддином-Масъудом, мужем смелым и решительным, который, пользуясь фанатизмом шейха Хасана Джурн, приобрел огромное влияние на Сербедаров — имя, которым называли себя возмутители и которое означает «обреченный виселицы».

Масъуд управлял Сербедарами шесть лет и четыре месяца — как пишет автор книги «Украшение бесед» (зинет-оль-меджалис), по имени Медждеддин-Мухаммед-Хусейн; по другим даже семь лет. Масъуд убит правителем Рустемдара.

Ему наследовал, на Мирхонду, Айтиму-Мухаммед; по другим Мухаммед-Ага-Тимур. После правления, продолжавшегося два года и два месяца (по Мирхонду два года и один месяц) Айтиму убит рукою Ходжи-

Али-Шемседдина в 747 году геджры и на его место возведен Келю-Исфендиар, погибший в 749 году и занимавший престол только один год и один месяц.

Следовавший за Келю дядя Лютфуллы сына Масъудова, [5] по имени Эмир Шемседдин, пользовался властью всего семь месяцев и, по воле Сербедаров, свержен ходжой Шемседдином Али.

Ходжа Шемседдин-Али, умнейший и самый строгий из правителей Сербедарских, убит Хайдером. Он властвовал до 753 года, в течении четырех лет и девяти месяцев; автор «Украшения бесед» неправильно дает ему четырнадцать лет царствования, упоминая, что этого Шемседдина погубил злой и необузданный язык.

За ним управлял Сербедарами Яхъя Керрави (по другим Керраби), так названный от своего месторождения, деревни Керраб в области Бейхек. Убит братом своей жены, Алауддевлемом (у Мирхонда Изз-Эддином), после четырех лет и осьми месяцев правления, в 759 году геджры.

Брат предшествующего, ходжа Загир-еддин-Керрави, правил Сербедарами всего только год и в 760 году лишен своего достоинства Хайдером-Кассабом (мясником), который властвовал в течении года и одного месяца. Хайдер убит в 761 году в месяце реби-эссани рукой Хасана Дамеганского.

Здесь автор «Зинат-эль-меджалис» (Украшения бесед) коротко упоминает о правлении Ходжи Лютфуллы, сына Масъудова, который возведен на престол стараниями своего воспитателя Хасама Дамеганского, но им же убит, по ничтожной причине, спустя год и три месяца от начала правления (769 года геджры).

Хасан Дамеганский, заняв место своего питомца, [6] правил четыре года и четыре месяца. Убит Али-Моаядом, последним из правителей сербедарских, который, при появлении Тимура, обезопасил себя безусловным повиновением; а государство Сербедаров вошло в состав огромной монархии Тимуровой.

Хорасанская провинция, где так нередко мятежники делались независимыми даже при халифах аббасидской династия, состоит, по разделению персидских географов, из четырех частей, называемых «бюлюками» т. е. отдами или полками. Она граничит с Кугистаном, Фарсом, Мазандераном и Харезмом. Первый «бюлюк» или область Хорасана включает в себе, кроме Нишабура, еще Эсфераин, Бейхек (родину Ходжи-Фазлюллы, отца Абдурраззака-Сербедара) с главным городом Себзеваром, Пияз, Чувейн, Джаджрем, Джанушан или, правильнее, Хабушан, Шефан, Тус и Келат.

«Бюлюк» второй или Гератский состоит из городов Герата, Кушенджа, Исфендара, Бахреза, Бадгиса, Хафа, Заде и Горджана.

Третий «бюлюк» Балхский, Тохарестанский, Хотланский и Бамьянский. Города его Балх, Бамьян, Джурджанан, Хотлан, Талекан, Фарьяб, Калеф, Веледж.

В четвертом «бюлюке» Мерв-Шахиджанском города: Мерв, Абиверд и Неса, Хаверан, Серахс, Ширхан, Мервируд и крепость Най.

Это разделение хорасанской провинции может назваться почти современным государству Сербедаров: оно [7] заимствовано из упомянутого прежде сочинения «Украшение бесед», автор которого Меджиди кончил свое творение восшествием на престол сефевидского государя шах Техмаспа-Бегадур-хана. Главные отделы, за исключением быть может некоторых городов и мест, осталась под теми же названиями до настоящего времени.

Автор «Зинат-оль-меджалис», как упомянуто прежде, полагает, что владычество Сербедаров в Хорасане продолжалось тридцать пять лет; но в этом случае противоречит сам себе. Действительно, начиная от 737 года геджры, когда Абдурраззак сделался независимым, и до кончины ходжи Али-Моаяда в 788 году протек почти 51 год; Абдурраззак должно считать первым правителем Сербедаров уже потому, что он с 737 года присвоил себе права «сикке» чеканить монету и «хотбе» упоминать свое имя в публичных молитвах.

Известно, что Мухаммед-Мирхонд (называемый также Хонд-шахом) посвятил все семь томов своей истории «Раузатуссафа» знаменитому покровителю ученых Алиширу, министру при дворе султан-Хусейна-Бегадур-хана, сына Мансурова, одного из потомков Тимура. Начало и окончание каждого тома всегда содержат в себе утонченные и, вероятно, искренние похвалы этому государственному мужу; так и в предлагаемом переводе при конце пятого тома похвалы Алиширу сохранены вполне. Вот что говорит об Мир-Алишире автор «Украшения бесед»: Эмир Алишир построил столько мечетей, медресе, богоугодных заведений, монастырей и странноприемниц в городах [8] и пустынях Хорасана, что язык пера не может того и высказать. Ученые и поэты воспели его в стихах и в прозе и воспользовались его милостями. Эмир Алишир родился в 844 году, скончался в воскресенье поутру 11-го числа месяца джумади-ль-завеля 906-го года. — Год кончины его выражен в слове «дженнет» рай. Именно:

Четырестишие.

Многоценный, высокостепенный эмир

Когда переселился из нашего мира в рай,

Я спросил самое его помещение касательно года кончины его

И мне ответили: дженнет, дженнет (рай, рай!)»

Наш автор не окончил бы свое произведение без помощи и покровительства Алишира, как он сам говорит о том в предисловии к «Раузатуссафа»:

Кто пытается прославиться на авторском поприще,

Совершает свой труд под влиянием каких-либо знаменитостей.

Сановники охраняют мысль писателя,

Потому что рубин и можно просверлить только алмазом.

Слова высокие, как плеяды,

Можно изготовить лишь при известных условиях!»

Самое название книги Мирхонда и отделы ее придуманы Алиширом, как доказывают подлинные слова историка, которые читаем в предисловии. — «По указанию Алишира-князя в области наук (сказано там) книга "Сад удовольствия", историческое сочинение о пророках, государях и [9] халифах, составлена из предисловия, семи отделов и заключения». Седьмой том содержит в себе историю государствования — Хусейна-Бегадур-хана, который скончался в 911 году геджры (на мосту Пуль-Табан, построенном на реке Мургаб) после слишком 37-милетнего царствования в Хорасане и 70 лет от роду. Прах этого государя похоронен в Герате, в приготовленной им самим для своего погребения часовне.

* * *

Список «Раузатуссафа», по которому я составлял свой перевод, принадлежит проживающему в Астрахани г-ну персидскому консулу Мирзе Юсуф-хану. — К сожалению, я не имел случая пользоваться другими списками этого сочинения, довольно впрочем редкого в рукописях, и, надобно сказать, весьма дурно литографированного в Тегеране, в трех книгах, в лист. Желательно, чтобы подобные капитальные труды были

издаваемы отчетливее, по примеру печатаемых в Европе или в Индостане мусульманских сочинений; но для Персии это пока — desideria pia — а изящные восточные рукописи, по своим ценам, доступны не многим!... [10]

ИСТОРИЯ СЕРБЕДАРОВ.

(ИЗ V ТОМА ОБЩЕЙ ИСТОРИИ МИРХОНДА «РАУЗАТУССАФА»)

1) Возмущение и возвышении Сербедаров; они овладевают частью Хорасана.

В хронике Сербедаров упоминается, что в Паштине, городке из городков Бейхека, жил уважаемый и почтенный ходжа, с значительным состоянием. Его прозвище было Ходжа-Джелаль-еддин-Фазлюлла. — У Ходжи Фазлюллы было пятеро сыновей: эмир Эмин-еддин, эмир Абдурраззак, эмир Веджих-еддин Масъуд, эмир Насрулла и эмир Шемседдин. — Первый из них состоял в качестве пехлевана при троне султана Абу-Саида-Ходабенде 1 и причитался к кружку собеседников этого государя. В ряду приближенных Абу-Саида был некто [11] Абу-Мослим-Али Сурхани, который не имел себе равного в силе мышцы, в борьбе и метании стрел.

Раз султан сказал: «Кто мог бы в вашем государстве померяться с Абу-Мослимом в борьбе и в метаниях стрел?» На это эмир Эмин-еддин доложил так: «У меня, раба твоего, есть в Хорасане брат, по имени Абдурраззак; он стать может, одолеет Абу-Мослима» и тотчас же отправил гонца представить Абдурраззак к подножию государева трона. Однако Эмин-еддин уже раскаялся в своих речах, опасаясь: не солгал ли на счет брата. Посланный отправился, по приказанию, в путь и чрез два месяца представил Абдурраззак ко двору, где внешний вид новоприбывшего в соединении с умственными его качествами заслужили одобрение султана и снискали Абдурраззаку особенное благоволение.

Спустя два-три дня после своего прибытия ко двору султана, Абдурраззаку случилось проходить по султаньскому базару; тут ему бросился в глаза лук, повешенный в лавке и при нем большая сумма денег. Абдурраззак стал расспрашивать точнее и получил в ответ, что какой-то пеглюван повесил здесь лук и оставил завещание, если кто натянет этот лук, тому в награду дается приложенная здесь сумма денег. Абдурраззак снял со стены лук, три раза натянул его, так что зазвенела тетива, а деньги рассыпал по полу. Весть о таком поступке Абдурраззак дошла до слуха государя и еще больше приблизила к нему брата Эмин-еддинова. На другой день султан приказал Абдурраззаку состязаться в стрельбе с Абу-Мослимом; противники вышли в поле и [12] начали в присутствии государя метать стрелы. Стрела Абдурраззак легла дальше стрелы Абу-Мослима на десять шагов; таким образом Абу-Мослим был совершенно пристыжен.

Абдурраззак был человек веселый и мотоватый. Государь приказал придворным, чтобы они дали его любимцу выгодное занятие; в следствие этого его назначили на службу в Керман, с правом получать 120.000 динаров доходу с области и 100.000 доставлять в казну, а остальные брать себе в виде жалованья.

Абдурраззак явился в Керман, собрал с жителей означенную сумму денег и промотал ее на вино и на женщин; так что, опамятавшись от веселья, не нашел у себя на лицо ни одного динара. Весельчак погрузился в море размышлений, раздумывая как бы выйти из такового затруднительного положения, по вдруг пришла весть о смерти султана и сердце Абдурраззак освободилось от тревоги будущих укоризн и выговоров. Он отправился на родину, в Паштин, где, между тем, произошло неожиданное обстоятельство.

В Паштине явился гонец, который, остановясь в этом городке, просил братьев Хасана-Хамзу и Хусейна-Хамзу достать ему вина и бесчестную женщину; братья не соглашались на требование, но гонец не слушал и хотел нанести насилие одной из честных горожанок. Тогда братья, обнажив кинжалы, вскрикнули; «лучше нам надеть на себя петлю (сер-бедар), чем стерпеть такой позор» и в след за тем убили посланного. Тогдашний [13] правитель Хоросана Алауддин-Мухаммед, проживавший в Термезе, услышав об этом происшествии, послал требовать к себе Хасана и Хусейна, но братья медлили явиться на суд, а между тем из Кермана прибыл Абдурраззак. Шум и толки привлекли его внимание; он полюбопытствовал узнать о причине суматохи и, удостоверясь, сказал: «нам да и всем мусульманам надобно поддержать Хасана и Хусейна; это люди честные и мужественные». Посланные Ходжи Алауддина-Мухаммеда воротились без успеха и этот правитель снова отправил уже отряд войска схватить и убийц и человека, который явился их защитником; но Абдурраззак, собрав толпу молодых смельчаков, считавших себе ничем не хуже Рустама 2, выжидал появления отряда Ходжи Алауддина. От брани дело дошло до стычки между противниками, несколько солдат Алауддина было убито, остальные разбежались. Абдурраззак, охотник до кровавых ссор и до смут, собрав братьев и жителей городка, говорил им: «Наступила для нас тревожные обстоятельства и, если мы сделаем послабление своим противникам, нас перебьют. Истинному мужу приятнее в тысячу раз видеть свою голову в петле «сер-бедар», чем погибнуть, как не мужчине». Вот эти слова его и были причиной названия «сербедаров» т. е. «обреченных виселице» или «висельников».

Иные составители хроник говорят, что Абдурраззак [14] был из числа Бейхакских вельмож в городке Паштине, которого жители, по большей части, слыли «мюридами» 3 или приверженцами шейха Хасана-Джури. Абдурраззак поссорился с правителем области и убил его; мужественный и хитрый, он стал советоваться с своими единомышленниками, как бы избежать возмездия за свершенное преступление, но прошлое было невозвратно и друзья Абдурраззак решились действовать, очертя голову. Народ в том краю славился храбростью и остроумием, так что талантливость Паштинцев вошла в пословицу и Абдурраззак, собрав толпу удалцов, был провозглашен ими предводителем. Эта шайка говорила: «наши начальники поступают несправедливо и, если Господ поможет вам, мы прекратим насилия, если же это не удастся, то лучше положим головы в петлю «сер-бердар», но не потерпим обид!» Так они называли себя и так возникло прозвище Сербедаров; но первый приведенный нами рассказ о начале их, заслуживает большего вероятия.

Перейдем к дальнейшей повести о Сербедарах. Ходжа Алауддин-Мухаммед, услышав весть о смерти государя, растерялся еще более: он думал идти к [15] Астрабаду, где находился хорасанский правитель эмир Шейх-Али, и пробыть там до той поры, пока дела не придут в прежнее положение. С таким намерением он вышел из Термеда; но эмир Абдурраззак, посоветовавшись с своими, погнался, в след за Ходжой Алауддин-Мугаммедом с толпой Сербедаров и настиг его у урочища «Новый городок». Обе стороны вступили в ожесточенный бой; Алауддин-Мухаммед был убит, а его сын и его сторонники бежали в город Сари. Абдурраззак воротился с большей добычей, усилился и разделил сокровища Ходжи своим приверженцам, которых набралось до семисот человек.

Между тем эмир Абдалла-Мевляи, правитель Кугистана, сосватавший дочь Алауддина-Мухаммеда, отправил ей в виде свадебного подарка большую сумму денег и много вещей; эмир Абдурраззак известился об этом и велел Мухаммеду-Айтимуру с 200 человек перерезать дорогу Кугистанцам. Завязалось сражение; Кугистанцев — хорошо вооруженных ратников — было до 700 человек и храбрецы Мухаммеда-Айтимура обратили тыл, но в это время подоспел к ним на помощь с 300 ратников эмир Веджих-еддин Сербедар. Беглецы снова кинулись на войско Абдаллы, убили 25 человек и прогнали остальных. Сербедары доставили Абдурраззаку несметную добычу; казна их увеличилась и они говорили: «надобно бы нам укрепленное местечко, чтобы сберегать свое имущество». Так посоветовшись между собою, они явились у крепости Себзеvara 4; комендант ее сдал цитадель [16] Абдурраззаку, который утвердился здесь на жительство. Власть его укрепилась и он хотел взять в супружество дочь Ходжи Алауддина-Мухаммеда; но девица не согласилась, зная, что целью этого брака было пристрастие Абдурраззак к ее красивому брату. Между тем она не могла противиться настойчивым проискам Абдурраззак и в одну ночь бежала из Себзеvara в Нишабур; на другой дань эмир Абдурраззак послал за ней в погоню своего брата эмира Веджих-еддина, который догнал девицу окало Сенклидера и хотел воротить назад. Бедняжка горька плакала, проговаривая: «ты мусульманин, человек честный и религиозный, кроме того долго находился в отношениях с моим отцом! Будь великодушен, ради любви к храброму Алию; подумай о дне общего воскресения, когда каждый должен дать ответ Богу и пощади мою голову». Веджих-еддин-Масъуд сжалился и сказал: «ступай с миром, мне до тебя нет дела!» Когда великодушный Масъуд воротился к Абдурраззак, последний спросил о девице. Масъуд отговаривался, что не успел догнать ее; Абдурраззак бранился, говоря: «В тебе нет и запаха мужества» ты совсем не мужчина!» — «Ты сам не мужчина», возразил на то Масъуд, «ты начал свои подвиги бунтом». Пока Абдурраззак собирался ударить брата, этот занес над ним кинжал и испуганный противник, выпрыгнув с верхнего этажа из окна, переломил себе ногу. Тогда Веджих-еддин бросился на брата, придушил его и его смертью отогнал зло от народа. Иные же рассказывают, что, когда эмир Масъуд воротился в Себзеvar, брат его [17] рассердился, за чем тот не привел девицу? Масъуд, изложив обстоятельства дела, примолвил: «Мне стало жаль девушку и я отпустил ее. Ради Бога, отпусти ее и ты!» Между тем, как Абдурраззак осыпал Масъуда бранью, этот подкрался к нему в расплох, выхватил кинжал и распорол живот своему разъяренному противнику. И так с смертью брата, власть над Сербедарами перешла к Масъуду, что случилось в одном из месяцев 798 года геджры 5.

2) Правление Эмира Веджих-еддиба-Мзсъуда Сербедара.

Эмир Масъуд известен, как муж храбрый, умный, проницательный, честный и далекий от коварства. Уважая людей добродетельных, он отдавал злых на суд их собственной совести. У Масъуда начальствовал дядя в одном укреплении, невдалеке от Себзеvara, где хранилось много сокровищ и оружия. Масъуд с двадцатью пятью ратниками ночью подошел к крепости и стал в засаде; когда отперли ворота, он бросился в замок, овладел всем, что нашел из денег и вещей, вывел долго жившего там своего дядю и с сокровищами его, а вместо него поставил в укреплении своего коменданта. Много коней и кольчуг досталось в руки победителя, который [18] воротясь в Себзеvar, отправил несколько человек для отгона табунов Ходжи Алауддина-Мухаммеда; табуны эти паслись на лугах Султан-Мейдана. За тем Масъуд пошел к Нишабуру. Эмир Аргун-Шах 6 не считал значительными силы Сербедаров; он выступил против них с 4000 ратников, но был прогнан, и, оставив Нишабур, поселился в городе Тусе, а Эмир Масъуд овладел Нишабуром. Аргун-Шах позвал к себе Мухаммеда-Тевеккюля и говорил ему: «Если мы не выгоним Сербедаров, то нам нельзя и проживать в Хорасане. Надобно постараться овладеть особою Масъуда или выгнать его из этих областей; да кроме того у

шейха Хасана Джури много мюридов и приверженцев, а оба эти лица земляки, и, быть может, будут действовать заодно, чем очень стеснят нас». В ту пору шейх Хасан-Джури, проживая в священном Мешхеде, посвящал себя на богоугодные дела, на молитву и на руководство людей к истинному пути.

3) Шейх Халифе и его сношения с Шейхом Хасаном-Джури. Появление Шейха Хасана после катастрофы с Шейхом Халифе. Эмир Аргун отправляет Хасана в замок Урьян 7.

Низатели жемчуга историй говорят, что в области Мазандеранской жил один дервиш весьма чистых [19] правил. Имя этого дервиша — Шейх Халифе. Сперва он занимался науками, изучил коран наизусть, читал его превосходно и, кроме того, знал «Ильм-эль-Ферасе» физиогномику, отбросив приобретение мирских благ, он стал мюридом Шейха-Бальви — отшельника, который тогда проживал в городе Амоле. Спустя несколько времени, Халифе, не сошедшись с Бальви, отправился в Семнан и примкнул к обществу Шейха-Рокнеддина-Алауддевлета Семнанского. Раз этот Шейх спросил у Халифе, к какой секте из четырех известных сект он более привязан? 8 — «О Шейх» отвечал на то Халифе «чего я доискиваюсь, то гораздо выше этих сект!» Раздраженный наставник пустил за это чернилицей в голову Халифе и проломил своему мюриду череп.

Тогда Шейх-Халифе отправился из Семнана в Бахрабад и здесь пристал к сотовариществу Ходжи-Гияс-еддина Хибетулла-Махмуда; но также точно вскоре и прервал с ним связи и ушел в Себзевар, где поселился на жительство в одной мечети. Его приятный и звучный голос при пении корана привлекал к нему много мюридов и приверженцев; хотя «факыхи» законники возбраняли ему жить в мечети, однако Шейх их не слушал и не обращал никакого внимания на их слова. Наконец «факыхи» пустили в ход «фетву» судейский вопрос 9 следующего содержания: «Такой-то проживает в [20] мечети, а проповедует мирское; ему запрещают жить там, он не слушается в упорствует, так должно ли убить такого человека, или нет?» Большая часть отвечала утвердительно и факыхи послали фетву на утверждение султана Абу-Саида Бегадур-хана. Султан отвечал, что ему не хотелось бы обгадить руку в крови дервиша и что пусть начальствующие в Хорасане лица распорядятся этим делом на основании законов. Когда Себзеварские факыхи получили ответ государя, то со всею ревностью бросились на шейха Халифе: тут последовала сильная схватка между сторонниками шейха и между факыхами. В ту пору шейх Хасан, кончив курс наук в городе Джуре, получил звание «модарриса» наставника школы; один из его учеников признал несомненными чудеса, оказываемые будто бы шейхом Халифе, отверг лекции своего наставника и фетву законников и своим примером увеличил число мюридов Халифе. Противники Халифе также [21] усиливались; но раз поутру этот шейх найден повешенным в своей мечети, на кольце, вверху одной колонны; зрители, взобравшись по камням к верху колонны, решили, что шейх сам повесился на веревке.

После этой катастрофы мюриды шейха Халифе перешли к шейху Хасану, который пошел к Нишабуру и побуждал тамошних жителей принять учение шейха Халифе; большая часть горцев в окрестностях Нишабура последовала его наставлениям. Имя каждого вновь являвшегося мюрида записывалось; Хасан приказывал всем укрываться до времени, по держать наготове оружие и являться по первому знаку. Этот проповедник своими обольстительными фразами и решительным тоном довел своих слушателей до того, что они вверились ему совершенно и готовы были отдать ему свои души, еслибы он того потребовал.

Факыхи представляли эмиру Аргун-шаху, что предприятия шейха Хасана отзываются расколом и мятежом. Аргун-шах послал эмира Мухаммеда-Басека для точнейшего разъяснения дела; но посланный, прибывши в Мешхед, нашел, что шейх Хасан и его приверженцы живут честно, снискивая себе пропитание трудами и ремеслами и проводя остальное время в благочестивых занятиях и в поклонении Богу. Мухаммед представил все это на вид Аргун-шаху, который теперь начал было забывать о вреде со стороны шейха Хасана; но ненавистника (подай им, Господи, побольше правды!) опять стали наущать Аргун-шаха, что шейх Хасан-Джури мятежник и зовет [22] людей к раскопу и к бунту. Несколько слов в этом роде, донесенных факыхами эмиру Аргун-шаху, побудили последнего запереть шейха Хасана в замке Так, что в Язере. Освободясь от хлопот с шейхом, эмир Аргун снарядил 70.000 человек и приказал эмиру-Махмуду-Эсфераини с 20.000 войска выступить по дороге к Нишабуру, Мухаммеду-Тевеккюлю с 25.000 отрядом по другому пути явиться туда же, а сам вышел на дорогу к «Красной деревне». Он распорядился так, чтобы эти три отряда, в условленный день соединившись в окрестностях Нишабура, общими силами ударили на Эмир-Масъуду Сербедара, который в ту пору стоял в Нишабуре не более, как с тысячью всадников. Ему донесли о появлении неприятеля. Эмир Масъуд раскинулся лагерем в расстоянии двух фарсанг от Нишабура, вывел из города 2000 пехотинцев и, когда поутру лазутчики принесли весть, что враги уже недалеко, Масъуд не велел никому сообщать этой тайны. Солнце поднялось уже на меру одного копы 10; тогда эмир Махмуд-Эсфераини с 20.000 [23] чел., не дожидаясь других ратников и надменный собственным величием, явился впереди. Пехотинцы Масъуда приготовились было бежать назад; но эмир просил и поощрял их к битве, говоря: «Друзья пехлеваны, бросьте каждый из вас хотя по три стрелы», а сам с тысячью всадников кинулся на неприятеля. Пехотинцы пустили дождь стрел: турки бросились бежать и часть их была убита, а Сербедары захватили много лошадей и кольчуг и посажали пехотинцев верхом на коней. Вся добыча, доставшаяся эмиру-Веджих-еддину-Масъуду, пришлось на долю пехотинцев.

Около поры позднего обеда явился и эмир Мухаммед-Тевеккюль. — «Пехлеваны» кричал Масъуд, ободряя свое войско «пехлеваны, будьте мужами: завтра каждый из вас назовется и эмиром и вельможей!» Ратники опустили повод и, опершись на стремяна, бросались в бой друг за другом. Мухаммед-Тевеккюль и его воины побежали, оставив противникам большую добычу. В час первого намаза раздался звук труб со стороны Бекишана и Дане; это шел Аргун-шах с 25.000 ратников, которые, когда услышали, что их товарищи по оружию разбежались, и сами в испуге обратили тыл; их деньги и значительное имущество достались неприятелю. Эмир Аргун хотя [24] старался удержать своих солдат на несколько времени, однако не успел в том, и сам по необходимости, должен был бежать, а эмир Веджих-еддин с бесчисленной добычей, торжествующий и достигший желаемого, воротился в славный город Нишабур, облагодетельствовал его граждан и для обороны Себзеvara с окрестностями двинулся к этому последнему месту.

4) Шейх Хасан-Джури освобожден из замка Язера и свободно занимается выполнением правил закона: приказаниями и запрещениями 11.

Когда эмир Аргун отправил скованного Хасана в замок Язер, то дервиши и мюриды этого шейха разошлись по своим местам жительства. Один из его мюридов, Ходжа Асад, проживал в городке из городков Тунских; раз, по дороге в сад, он повстречался с толпою дервишей. — «Откуда вы и где теперь шейх?» спросил он их. Дервиши заплакали и рассказали, как было дело. Асад обратился к ним с упреками, говоря: «Ах, немусульмане вы! Разве не бесчестие для вас, что шейх сидит в оковах, а вы не постараетесь освободить его и спокойно живете себе дома?» Ходжа Асад тотчас отправился к Абиверду и встретил на дороге эмира-Аргун-

шаха, с большою свитой; последний, как знакомый Асада, спросил его: для чего он явился сюда? — «Я [25] пришел похлопотать» говорил Асад «если шейх Хасан еще жив, то прикажите ежедневно давать мне по сту палочных ударов, но только дозвоьте хотя раз взглянуть на его лица; если же шейх уже умер, так убейте и меня!» Аргун-шах спрашивал Мухаммеда-Эсфераини; «сколько у шейха Хасана таких мюридов, как этот?» и получил в ответ, что подобных Асаду найдется до пятисот. «В таком случае, у кого есть с десятков мюридов, как Асад, он в состоянии с ними разрушить мир» говорил Аргун-шах; он ласково обошелся с Асадом, отправил его к шейху, приказав коменданту замка не раздражать Хасана; но в тоже время строго следить за ним.

Когда дервиши заметили такую искреннюю приязнь Ходжи Асада к шейху, то чувство религиозной ревности сообщило их намерениям сильный толчок. До семидесяти человек из числа их собрались и переговаривали между собою так: «Постараемся выручить нашего шейха и если успеем в том, значит достигнем цели желаний, если же нет — мы исполним во всяком случае свою обязанность! Если нас убьют, мы заслужим славу шахидов 12 (мучеников за веру) и награду на том свете». С таким тайным намерением мюриды направились к Язеру, проникли, как умели, к шейху и просили его убежать из [26] замка; после долгих просьб, ответов и вопросов с той и другой стороны, заключенный ушел из замка и вместе с дервишами отправился в Себзевар. Некоторые поговаривали, будто бы эмир Веджих-еддин-Масъуд хотел сильнее скрепить свою власть и решил на том, чтобы освободить из оков шейха Хасана, потом сделать его главным правителем, а самому только удержать за собой военачальство. Таким образом он с несколькими всадниками пошел к Себзевару и явился у Язера, откуда освободил шейха Хасана, сообщив ему свои предположения. «Согласишься ли ты или нет» говорил ему Масъуд «но во всяком случае наши противники, если одолеют нас, то убьют» — и шейх Хасан, соглашась на предложение Масъуда, вместе с ним пришел в Себзевар. Впрочем, первый из этих рассказов достовернее, как это будет видно из письма шейха Хасана, которое мы приведем ниже.

И так, когда шейх Хасан Джури вышел из замка, его дервиши, которых называли также «гуркенами» 13 и которые давно дожидались этого дня, вышли вон из своих углов: много народа собралось под знамена шейха Хасана и эмира Веджих-еддина Масъуда Сербедара. — С каждым днем их значение и сила увеличивались, а владения распространялись час от часу: шейх Хасан и эмир Масъуд поощряли своих людей к заготовлению военных снарядов. Некоторые историки говорят, что в [27] то время, как власть Сербедаров достигла высшей своей точки, эмир Аргун-шах вместе с Тогатимур-Ханом вошел в Ирак, а эмир Мухаммед-бек и сын его управляли некоторыми областями Хорасана. Люди Аргун-шаха, страшась могущества Сербедаров, собрались к эмир-Мухаммед-беку, который отправил к шейху Хасану-Джури письмо следующего содержания: «Власть не может долго удерживаться за эмир-Масъудом, как за человеком военным; а тем более подобное дело не должно бы иметь никакого отношения к шейху-углоседу, который заботится лишь о спасении души. Шейх не размышляет, каков будет исход этого дела и будет ли он чист в день воскресения, когда придется отвечать за несправедливо пролитую кровь? Тяжесть такого предприятия не соответствует уму человека правдивого и прямого».

Хасан, прочитав содержание Мухаммед-бекова письма, так отвечал в своей записке на счет обстоятельств своей жизни и мы нарочно прилагаем здесь его ответ, как принадлежность нашей хроники, без всякого изменения. Вот его ответ: (После славословия Творцу и похвал Хашемидам, семье пророка, его компаньонам и его чистому племени) «Господину великому эмиру, потомку великих эмиров на сем свете, знаменитому и

пышному эмир-Мухаммед-беку (да исполнит Бог его желания, да вдохнет ему стремление следовать по пути правоты и благочестия!))»

«Богомолец ваш Хасан-Джури искренно воссылает за вас молитвы к Богу, Который может исполнить все, [28] что восхощет, а эти моления, свершенные в городе Нишабуре, идут к вам от 15-го числа месяца Зуль-Хидже; в них выражена благодарность Творцу (да возвысятся его величие!) за то, что я худородный Хасан-Джури от детства и до юности всегда был мюридом людей праведных, приверженцем имамов и улемов религии, последователем мужей благочестивых, искателем спасения по дороге к будущей жизни. С такою то целью я, ничтожный, семь-восемь лет посещал медресы (учебные заведения), занимался диалектикой, выслушивал ученые суждения разных имамов, пока наконец не примкнул в Себзеваре к сообществу славного шейха, владетеля тайн и молений, секрета Аллахова на земле, шейха Халифе (да освятится его могила, да умилосердится над ним Бог!), пока не послушал некоторых его изречений и постепенно не дознал, что этот знаменитый шейх есть прямой руководитель на пути истины. Тут-то я убогий искренно привязался к шейху и при его благословенной заботливости достиг своих целей, за что хвала Аллаху! Потом, когда славный шейх от руки злодеев претерпел мученичество 14 в Себзеваре, я худородный в туже ночь отправился в Нишабур, куда и прибыл 23-го числа месяца Реби-эль-эввеля 736-го года. Два месяца и один день я укрывался в Нишабуре по разным углам и, когда некоторые люди проводили о моих обстоятельствах, посматривая на меня сомнительно, я перешел в священный [29] Мешхед Али-Ризы, а отсюда в Абиверд и Хабушан, бегая пять других месяцев из места в место и не знакомясь ни с кем. При всем том, куда я не являлся, начиналось такое волнение, народ толпился до такой степени у моего жилища, что первого числа месяца Шевваля сказанного года я предпочел перебраться в Ирак, где оставался год с половиной; когда я вышел отсюда, то где бы ни останавливался, всюду возникала тревога и часть народа следовала за мной из Хорасана. Я опять воротился в Хорасан и около двух месяцев проживал там; в двух-трех провинциях мне нельзя было совершенно остановиться, по причине большого стечения народа ко мне, как вельмож, так и простолюдин. В месяце мохарреме 739-го года я решился перебраться в Тюркистан, несколько времени пробыл в Балхе и в Термеде и отсюда, вследствие тех же тревог, возвратился в Херат, далее прошел в Хеваф, в Кугистан и частью останавливался на несколько дней в других местах. Потом я перешел в Керман, но здесь путь для меня был замкнут, к тому же я заболел и вдругорядь решился посетить священный Мешхед и Нишабур; около двух месяцев я провел в пещере Авраама, в этой цепи гор и в других углах и во все это время множество народа приходило ко мне убогому, преимущественно с целью спасения и пути к будущей жизни. Ко мне стекались люди всякого звания, так что некоторые Нишабурские шейхи, факыхи и строители козней возбудили против меня клеветы, говоря, что этот дервиш и его мюриды суть враги [30] ученых, что они отвергают постановления шариата и изучение их. Таким образом мои недруги раздражили против меня богословов, решившись погубить худородного: эмир Мухаммед-Басек однажды пришел ко мне, делал вопросы, выслушивал мои ответы, выпытал некоторые обстоятельства моей жизни и сделался моим противником. Это самое было причиною, что я худородный перешел из Кугистана в Ирак и попал в Дестеджердан; путь чрез пустыню был опасен, и хотя со мной было много народу, я не пошел туда, а еще воротился в священный Мешхед, простояв здесь несколько дней. Тут снова шейхи и факыхи начали свои происки, отправили письма к областным правителям и старались всем внушать, будто я мятежник, доискивающийся власти, будто мои многочисленные мюриды и последователи заготавливают оружие; открывая секту Рафедзитов 15: таким образом великий эмир Аргун-шах отрядил посланца в священный Мешхед с приказанием — схватить худородного. Посланец, как рассудительный человек, увидя меня, поступал крайне осторожно; потому что узнал всю лживость взводимых на меня обвинений. Он открыл сущность дела, его вызвали по приказу обратно и меня извинили: в таких переговорах протекло около двух [31] месяцев, но мои зложелатели не успокоивались, так что я убогий с большим числом дервишей чрез Кугистан старался перебраться в Хеджаз. В

ту пору великий эмир проживал в Нишабуре; узнав о намерении моем и дервишей, он извинялся и возбранил нам дальнейший путь. Наконец явились его чиновники, начали оскорблять меня и отправили в Язер; шестидесяти или семидесяти дервишам перебили головы и ноги, а самих отослали в город Тус. Тут произошло обстоятельство, что Себзеварцы пошли к Нишабуру, а отсюда к Язеру; я спрашивал их: "что привело их тут и что за причина подобных волнений?" Мне отвечали: "когда нам стало известно, что твоя милость взят под стражу, мы восстали и явились здесь!" Я, худородный, разведывал далее: "вам, видно, хочется, чтобы я пошел в ваши места и дела ваши принял бы на свои руки?" — "Боже сохрани нас от таких намерений!" отвечали мне. — "Если хотите подражать моему пути и дороге" возражал я "в таком случае сделайте углоседами?" — "Но этого не дозволяют нам наши притеснители, которые не дают нам покоя!" говорили они. — "Так что же за польза от вашего прихода и к чему такая суматоха?" Все молчала на этот вопрос, но чрез несколько времени заговорили в следующем роде: "Нам хотелось бы, чтобы вы возвратились в Хорасан и там, где лучше удастся, посветили бы себя богослужению, а мы клянемся не стеснять вас ни в каком роде занятий!"».

«И так я, худородный не имел намерения переходить в Хорасан, но толпы дервишей явились [32] сотоварищами Себзеварцев и я понял, что они не оставят меня в покое, потому-то и воротился в этот край. Теперь цель моих докучливых строк та, чтобы ваш светлый ум известился: каковы были приключения худородного даже до сего дня. Два месяца я убогий жил в Себзеваре, куда являлись ко мне некоторые Хорасанцы и доказывали, что разрушения, убийства и грабежи, возникшие со стороны народа, требуют сильного противодействия, что нужно укротить мятеж, а иначе гибель и позор угрожают семействам, крови и имуществу всех мусульман. Я отвечал на то всему собранию "что никогда и не был и не буду предводителем и главою мятежников, что надобно посоветоваться с первостепенными лицами из духовенства, которые бы занялись уничтожением бунта, доказав народу, что от того зависит общее благо мусульман и мусульманства, а я буду действовать заодно с прочими!" Из числа мусульман теперь эмир Веджих-эддин-Масъуд и его последователи говорят, что они готовы исполнить все, от чего зависит благосостояние мусульман и выслушивать истину от кого бы то ни было, что добиваются лишь пользы правоверных и что все имамы, шейхи и областные начальники в Бейхаке и Нишабуре постановили на том, что должно отразить подобное зло и доискиваться только благосостояния и опасения правоверных, а тем более, когда приведено в известность, сколько погибло народу в такое короткое время. В коране и в древних наречениях упомянуто: "если две партии правоверных вступают между собою в битву, старайтесь их примирить; если же [33] одна из партий несправедлива, то сражайтесь против несправедливой: в деле Божиим не дурно и переступить за черту закона" потому-то я убогий, согласясь с прочими мусульманами и в сотовариществе имамов, уважаемых шейхов, великих сеидов и областных начальников Бейхака, пришел в эти места по просьбе эмира Веджих-еддина Масъуда. Я послал и письмо к великому эмиру Аргун-шаху, где содержится тоже самое, что в здесь: "если де обратит внимание на мои слова, удержится от пролития крови и от смут и решится на мир, то во всяком случае твердо можно надеяться после этого дня, что спокойствие мусульман будет упрочено; а если его милость ответит в другом тоне, тогда может завязаться убийственная война, потому что народ дошел до крайности и до невозможности переносить свое положение". Средства прекратить это уже показаны и без всякого сомнения сыну эмира, как человеку проникательному и умному все то известно; а что касается до меня убогого, я никогда никому не давал ни запрещений, ни приказаний в деле религии, да и не намерен давать их. Я хочу действовать заодно с первостепенными лицами из духовенства и с прочими мусульманами в деле общественного благоустройства, будучи уверен, что великий эмир также вникнет в эту мысль своим высоким умом, изберет, по своему усмотрению, что ближе к добру на основании шариата 16 и здравого смысла, [34] а я не буду утомлять более его милость своим письмом. Господь ваш помощник и покровитель! Мир тому, кто следует по прямому пути!»

Некоторые-летописцы говорят, что когда шейх Хасан-Джури и эмир Веджих-еддин-Масъуд овладела Нишабуром и Себзеваром, то приверженцы эмир-Аргун-шаха обратились в бегство. Эмиры Тогатимур-хана, по указанию его, отправив курьера из Мазандерана к Масъуду и Хасану-Джури, извещали: «у вас до сего времени не было государя, которому бы вы подчинялись, а теперь — слава и благодарение Богу! — на престоле величия утвердился Тогатимур-хан, которому вы должны и обязаны повиноваться». Шейх-Хасан отвечал на это: «как государь, так и мы подданные должны повиноваться Господу и действовать на оснований славного корана, а кто противится этому, тот мятежник и ближние в праве усмирить его; если государь живет по заповедям Господним и пророка, мы все повинемся ему, если же не так, то между вами и им станет меч!» Посланный возвратился и предъявил ответ шейха Тогатимуру. — «Они бунтуют» сказал Тогатимур-хан и с 70.000 войска выступил против Сербедаров 17. Шейх Хасан и эмир Масъуд также собрали 3700 человек, считавших себя на ряду с героями древности — Рустемом Дастаном и Самом Нериманом — и пошли в Мазандеран. Они разминулись [35] лагерем на берегу реки Коркана и отправили к государю посланника, говоря: «если вы и мы будем поступать по заповедям Всевышнего, то война и кровопролитие прекратится и каждый мятежник поплатится за свои дела!» Но Тогатимур-хан возразил: «Вы — толпа мужиков, вы хотите подчинить нас своим распоряжениям и вместе с тем обмануть народ!» Таким образом решено было начать военные действия: оба войска дрались мужественно и в этой битве пал брат государя эмир-Шейх-Али Каун; государь потерпел поражение, потерял много убитыми и войска его рассеялись, а эмир-Аргун-шах, эмир Абдалла Меуляи спустя несколько дней скончался в Кугистане, а старший сын его эмир-Мухаммед явился к шейху Хасану и стал его мюридом.

Иные из писателей не говорят на счет войны Тогатимур-хана с Сербедарами; но упоминают, что, когда брат государя Али-Каун бежал из Ирака в Мазандеран, как сказано было прежде, то решился на подвиг, который загладил бы его стыд. Таким образом он повел войско против шейха-Хасана и эмира-Веджих-еддина Масъуда; но в битве с Сербедарами нашел себе смерть. Словом сказать, по убиении эмира Шейх-Али-Кауна, Масъуд и шейх Хасан задумали овладеть Гератом; они двинули войска против Мелика-Моэзз-еддина Хусейна 18 из [36] произшедшей с ним схватке шейх Хасан погиб, по тайному распоряжению Масъуда, от руки одного из Сербедаров. Эмир Масъуд воротился беглецом с поля сражения, как это было подробнее высказано в IV-м томе нашей истории при изложении жизнеописаний князей Гурских.

5) Последние подвиги Веджих-еддина-Масъуда Сербедара. Мухаммед-Айтимур занимает его место.

Эмир Масъуд, пораженный Мелик-Моэзз-еддином Хусейном прибыл в Себзевар, где собрав войско, намеревался проникнуть до Рустемдара; но когда проходил лесом, Рустемдарцы загрозили ему дорогу. Дело кончилось стычкой, в которой погибло много Сербедаров и сам эмир Масъуд попался в плен. Правитель Рустемдара не хотел было убивать его; но был подвужен к тому сыном Ходжи Алауддина-Мухаммед-Дивана, который находился здесь, у правителя. Некоторые говорят, что Масъуд управлял Сербедарами семь лет; он отличался храбростию и щедростию. Он оставил в своих областях наместником Мухаммеда-Айтимура, который, известясь о смерти Масъуда, отворил сокровищницу, роздал Сербедарам подарки и, при своей заботливости, успел удержать за собой некоторые замки, едва не вышедшие было из под власти Сербедаров.

Ходжа-Шемседдин-Али, сын вельможи и человек благородного происхождения, который в дни правления эмир Масъуда был уважаем Сербедарскими вельможами по [37] достоинству, всегда трактовал о дервишстве и уважал дервишей, заседаая часто в их собраниях. Он всегда говорил: «ваше господство укрепилося, после воли Господней, единственно благословенными заботами шейха Хасана и подвигами дервишей» давая в таких речах перевес дервишам над военачальниками Сербедаров с целью возбудить последних против первых; он, согласив с собою некоторых вельмож, явился в собрание Мухаммеда-Айтимура, начал хулить существующий порядок дел и говорил государю: «Удивительно, как ты стал мало уважать дервишей, предпочитая им каких-то низких людей; не смотря на то, что ты был подкрепляем дервишами — людьми похвальных свойств, теперь ты отстранил их от себя!» Так говорил он и выставлял на вид неприязнь государя к дервишам; но собственно причиною такой вражды и подобных речей было тайное желание Ходжи-Шемседдина приобрести власть, но он тщательно старался скрывать свою мысль. Короче сказать, все бывшие в собрании, тайно сочувствовали Ходже Шемседдину-Али; они говорили Айтимуру: «Мы одного мнения с Ходжей Шемседдином-Али, теперь оставь правление, потому что ты сын раба и нам стыдно иметь тебя своим начальником». Когда Айтимур догадался, что народ противятся ему по наущению Ходжи, то отвечал так: «Я взялся за власть по вашему же согласию, я подчинил себе непокорные области, удержал за собою замки и не оскорбил ни одного дервиша. Делайте теперь, как вам кажется лучше!» — «Вставай» возразили ему, «ступай вот в этот дом, а мы не [38] хотим твоего правления» — и Мухаммед-Айтимур, хотя храбрый витязь, но в ту пору — безоружный, по необходимости вошел в указанный дом. — Мятежника заперли двери дома и потом сказали Шемседдину-Али: «Ты у нас лучший и больший; шейх Хасан руководствовался в правлении твоими советами, так подумай здраво о настоящем деле». Ходжа Шемседдин-Али отвечал: «Келю-Исфендиар очень приветлив к дервишам: помогите ему возвратить блеск и твердость правлению». Приверженцы Ходжи Али заметили, что правление походит на кабу 19, которая как раз приходится на рост его, Ходжи Шемседдина. — «Я дервиш, я углосед и не хочу пускаться в мирские дела, но на мне лежит обязанность поддержать дервишей» говорил им Ходжа. — «И так действуй, как тебе заблагорассудится» отвечали дервиши. — «Прежде всего убейте Мухаммеда-Айтимура» продолжал Ходжа «потому что он сам не пощадит никого, если успеет спастись». По его совету Сербедары убили Мухаммеда-Айтимура и поставили над собою правителем Келю-Исфендиара. Мухаммед правил два года и один месяц.

6) Правление Келю-Исфендиара Сербедара.

Келю, человек незначительного рода и нерассудительный, возгордился своим достоинством и начал управлять без [39] всякого соображения, так что вывел из терпения Сербедаров. Она разошлись и говорили Шемседдину-Али: «Мы ошиблись, отдавши бразды правления в руки Келю» — и так как они знали, что раздор с Келю очень приятен Ходже, то обратились к Келю с укоризнами: «мы имели более значения при шейхе Хасане и эмир-Масъуде, нежели при тебе» сказали они. «Мы и поставили тебя правителем над собою, с тем чтобы ты знал цену и старался бы возвысить нашу славу; а ты, унизив теперь дервишей, уронив значение полководцев, предпочитаешь нам людей низких и не даешь ни жалованья, ни должного от народа содержания. Мы не хотим более твоего правления!» — «В тот день, как вы посягнули на убийство Айтимура» возразил Келю «в тот день я уже понял, что в вас нет ни доблести, ни чести, ни религии, ни стыда; потому что убитый вами жил долго среди вас и был уважаем самим эмир-Масъудом. Оставляю теперь начальство над вами: сажайте себе в правители, кого хотите!» Но Сербедары заспорили с Келю и осыпали его бранью; несчастный хотел уйти из дому, однако не успел; Мухаммед-Джейш ударил его саблей, а Фахреддин-Ассар-Мешхеди булавою по голове. Так погиб Келю-Исфендиар. Когда эта весть дошла до Ходжи Шемседдина-Али, то он, укорив убийц, как того требовали обстоятельства времени, спрашивал их: каковы их мысли на счет правления, после такого

низкого поступка? — «Назначение правителя мы поручаем собственному твоему распоряжению» отвечали Сербедары. — «В таком случае я признаю достойным этой степени [40] эмира-Лютфуллу, сына эмир-Масъуда» сказал Шемседдин-Али. Уже начальники и дервиши, призвав новоизбранного, хотели посадить его на престол; но ходжа Шемседдин-Али возразив снова, что Лютфулла еще очень молод, что он не в состоянии поднять столь тяжелых трудов и что как близкие, так и далекие будут смотреть на него с пренебрежением. В следствие того Ходжа предложил избрать в правители дядю Лютфуллы, эмир-Шемседдина.

7) Правление эмир-Шемседдина Сербедара.

Преданный удовольствиям и неге, Шемседдин не имел сил ни управлять государством, ни предводительствовать войсками, хотя и думал о себе слишком много. В ту пору эмир Тогатимур-хан, узнав в Мазандеране, что могущество Сербедаров ослабевает, собрал по фирману свои войска и готовился выступить в Хорасан. Сербедары известились о его намерении и решились предупредить его. Испуганный Шемседдин совершенно растерялся и Сербедары опять представили Ходже Шемседдину-Али, что в случае, если Шемседдин поведет войско в Мазандеран, они совершенно расстроятся в своих делах и что кроме его, Ходжи, нет никого достойнее правления. Ходжа Шемседдин-Али согласился на то, а эмир-Шемседдин, сберегая свою душу, передал ему власть, которою пользовался только семь месяцев.

8) Правление Ходжи Шемседдина-Али-Сербедара.

Хотя в некоторых хрониках о Сербедарах Ходжа называется Али-Шемседдином; но так как в книге [41] «Общее наставление», да и в других книгах это лицо наименовано «Ходжа Шемседдин-Али», то я ничтожный, следуя большинству историков, говорю» что Ходжа Шемседдин-Али был человек умный, прозорливый, храбрый и распорядительный. Он не имел себе равного в заботах правления и до такой степени был скромнен, что не гнушался даже сообществом «мурдешуров» обмывателей мертвых. Когда Тогатимур-хан услышал, что Ходжа вступил в управление Сербедарами, то решился изменить свое намерение на счет Хорасанского похода. Ходжа Шемседдин, если кого-либо признавал за бунтовщика и мятежника, тотчас старался удалять его из государства; стойкость правителя была так непоколебима, что он, во время своего правления, приказал побросать до пятисот распутных женщин в колодез и никто, по боязни, не осмеливался произносить вслух названий «бенга» 20 или вина. Если какому-нибудь преступнику говорили: «мы поведем тебя к Ходже», то виновный уже заранее падал в обморок. Ходжа различал виноватого из тысячи человек, ходил по городским кварталам в сопровождении только одного или двух человек, узнавал о разных происшествиях и для этой цели во всякой области содержал донощиков, которые доводили до его сведения все, что ни случалось вообще и в частности. Он велел отравить ядом Себзеварского городничего, о котором говорили, будтобы он происходит из поколения Хеджаджа-бен-Юсуфа [42] Сакифи. Он улучшал положение областей и казны; его страшились эмир Аргун-шах в Абиверде и Мелик Моэзз-еддин-Хусейн в Герате. В ту пору комендант крепости Туса эмир Али-Рамазан вздумал сделаться независимым и эмир Аргун-шах не мог противодействовать ему. Тогда Ходжа-Шемседдин-Али повел войска в ту сторону, осадил крепость и уже почти взял ее, но внезапно узнал, что Мелик Моэзз-еддин-Хусейн явился в Ферахджерде; он снял осаду города и за несколько станций вышел на встречу Мелику-Моэзз-еддину-Хусейну. Но последний не шел далее Ферахджерда и наконец повернул к Герату, а Ходжа Шемседдин-Али отправился в свои области; при вступлении в Себзевар его известили, что дервиш Гиндуи-

Мешхеди, бывший со стороны его правителем Дамегана, поднял мятеж. Ходжа Шемседдин-Али обратился к Дамегану, в течение недели овладел и городом и цитаделью, убил много значительных лиц и ходжей; потом обратно вступил в Себзевар, где рассек Гиндуи надвое. При Ходже состоял некто из приближенных, именем Гайдер Мясник, от которого зависели таможенные сборы; после отчета у него осталась на руках какая-то сумма денег и Ходжа, отстранив его, отнял у него все, что тот нажил, даже кое-что, приобретенное Гайдером собственными трудами; а сборщики насчитали на него еще более. Гайдер выставлял на вид свою бедность и нищету, говоря, что у него не осталось ничего и что он умоляет правителя сжалиться; но Ходжа Шемседдин-Али, как оскорбитель и наглый человек, [43] отвечал: «Посади свою жену у развалины и что она выручит от проходящих мимо этого места, тем и доплачивай в казну!»... Гайдер Мясник заплакал и проговорил: «буду служить» а сам тайно сообщил одному из своих друзей, что он решился на все и «если мне удастся» прибавил он «то окажите пособие, если же нет, то убейте разом, чтобы мне не погибнуть в муках». Приятель советовал ему обратиться к посредничеству Ходжи-Яхьи. Гайдар отправился к Яхье и сказал ему, что нынешнюю ночь он замышляет свершить дело и что не должно отказывать ему в пособии; Яхья, по своей проницательности, догадался, на счет чего говорит Гайдер и какова его цель. — «Будь только мужественнее» говорил он Гайдеру, «а я не допущу тебя до какой-либо беды».

Во время вечернего намаза Гайдер пошел в цитадель и сказал Ходже: «Я вынут вами из грязи, а теперь вы бесчестите меня» и с этими словами выхватив кинжал, спрятанный у себя в рукаве, так сильно ударил ходжу в грудь, что конец железа высунулся из-за спины раненного. Хасан-Дамегани хотел было поразить Гайдера, но ходжа Яхья, обнажив саблю, вскричал: «Пехлеван-Хасан, удержи руку!» — «Я знал, что убийство совершено по твоему совету» отвечал ему Хасан. Ходжа Шемседдин-Али правил четыре года и девять месяцев; убийство его случилось в одном из месяцев 753-го года и, после этой катастрофы, какой-то остряк придумал следующее двустишие на Гайдера: [44]

«В сражениях ты стремительный «Гайдер» (лев) нашего века

И кинжал твой выправляет дела этого мира».

9) Правление Ходжи Яхьи-Керрави.

По смерти Ходжи Шемседдина-Али Сербедары согласились служить Ходже Яхье-пехлевану и внешним видом и смыслом. Твердость его ума равнялась его храбрости; в совещаниях его не было терпимо пусторечие и в его время люди благочестивые и добродетельные проводили жизнь в сердечном веселии. Яхья поддерживал ученых, уважал дервишей и выдавал полное содержание военачальникам. Все его нукеры и приближенные одевались в шерстяное или сделанное из верблюжьего волоса платье, а за обильным столом постоянно сидели и богатый и убогий. Большую часть времени Яхья проводил в сообществе людей благочестивых, поручая обязанности по шариату улемам ясной веры. Султан Газан-хан посылал к Ходже из Мавераннехра особенные доказательства своего уважения и когда Яхья упрочил свою власть, то отправился в Мазандеран, чтобы примириться с Тогатимур-ханом; он прибыл в орду государя и пропировал там три дня, а в конце третьего дня Хафиз-Шегани, Мухаммед-Джейш и другие из Сербедаров сказали: «пока мы еще не заключили условий и клятвенных обязательств, можем во время самого пира

уничтожить государя». Между тем [45] этот в свою очередь, тоже думая после пира схватить Сербедаров. Ходжа Яхья сказал своим: «Когда я положу руку себе на голову» то вы не задумывайтесь!» В то время как начали обносить чаши, Хафиз-Шевани ударил государя и Тогатимур погиб, а войско его разбежалось, равно и дети и эмиры. Большие богатства достались в руки Сербедарам. Яхья занялся устройством Мазандерана и, окончив здесь дела, возвратился в свою резиденцию; правосудием и справедливостью он привел свои области в цветущее состояние, но чрез четыре года и восемь месяцев от начала его правления некоторые бессовестные люди, ставшие вельможами при покровительстве его, начали строить ему козни. В ту пору как однажды Ходжа-Яхья входил в сени дворца, брат жены его Изз-еддин ударил его в бок кинжалом. Ходжа-Яхья сгоряча схватил противника и оба — убийца и убитый — упали с террасы на землю, где Ходжа успел еще в свою очередь поразить Изз-еддина, после чего и тот и другой в тот же час охолодели на месте. Во время убийства Ходжи Яхьи Гайдер Мясник находился в Султан-Мейдане Астрабадском; он, известясь о случившемся, отправился в Себзевар, а между тем лица, заподозренные в преступлении, убежали в крепость Шеган. В эту крепость бросали огонь в течение шестнадцати дней и наконец сожгли.

10) Правление Ходжи Дагир-еддина Сербедара.

Мауляна Кемаль-еддин Абдурраззак в своем творении «Восход двух счастливых созвездий», говорит, что [46] Ходжа Дагир-еддин был сын сестры Ходжи Яхьи; но автор хроники Сербедаров считает его одним из братьев Ходжи. Как бы то ни было, чрез несколько дней по смерти Ходжи Яхьи, Дагир-еддин Керрави, по согласию пехлевана Гайдера Мясника, утвердился на престоле правления. Это был человек разумный, не оскорблявший никого и очень любивший играть в «нерд» и в шахматы, тогда как Гайдер занимался государственными делами. Гайдер хотел вести войско в Эсфераин, чтобы достойно наказать взбунтовавшегося там Ходжу Насрулла, который состоял в качестве Атабека при эмире Лютфулле сыне эмира Веджих-еддина-Масьуда; но Ходжа Дагир-еддин уклонялся от этой обязанности. Однажды Гайдер Мясник сказал ему: «Теперь надобно бы взяться за оружие, а ты занимаешься только удовольствиями. Вставай с подушки правления: ты не достоин подобного сана» — и устранив слабого правителя, сам занял его место. Некоторые говорят, что Ходжа Дагир управлял сорок дней.

11) Правление Гайдера Мясника Сербедара.

Пехлеван Гайдер, сделавшись правителем, распустил слух, будто идет в Астрабад, против эмир-Вели; но миловав две станции, он поворотил к Эсфераину, где Ходжа Насрулла заперся в крепости вместе с эмиром Лютфуллой, сыном эмир-Масьуда. Пехлеван Гайдер начал осаду крепости. Но однажды пехлеван Хасан-Дамегани сказал своему невольнику Кутлук-Буга: «когда я подойду к Гайдеру для обычного целования руки, [47] ты в это время убей его». В условленное время Кутлук-Буга убил Гайдера, который, по иным, правил государством четыре месяца; смерть его случилась в месяце реби-эль-ахире 761-го года геджры.

12) Правление эмира Лютфуллы сына эмира Веджих-еддина Масьуда Сербедара.

Когда Гайдер-Мясник был убит, то Ходжа Насрулла вывел мирзу из крепости Эсфераина, а пехлеван Хасан-Дамегани, на руках которого этот отрок вырос, посадил его на управление, как должно и прилично. В Себзеваре жили два бойца: мирза любил одного из них, а пехлеван Хасан был расположен к другому и потому между обоими правителями открылась вражда. Пехлеван Хасан схватил мирзу и отослал его в замок Дестеджердан, где молодого человека убили по приказанию Хасана. Мирза управлял год и три месяца.

13) Правление пехлевана Хасана-Дамегани-Сербедара.

В месяцах 762-го года пехлеван Хасан-Дамегани упрочил свою власть. В его правление некто дервиш Азиз, из числа дервишей шейха Хасана Джури, прежде известный мятежами и боявшийся одного из Сербедарских правителей, жил в Ираке; потом возвратился в Священный Метхед. — Здесь он предался вполне религиозным обязанностям и при пособии собравшегося к нему народа вновь начал бунт и овладел крепостью Тусом. Пехлеван Хасан Дамегани, спустя шесть месяцев от этого [48] события, пошел к Тусу, осадил там дервиша Азиза, наконец овладел городом и, укорив мятежника, дал ему несколько «херваров» шелку, с приказанием — покинуть Хорасан. Азиз отправился в Ирак.

Во время правления Хасана какие-то купцы привезли из Езда в Хорасан разные утвари и ткани; но когда явились они в укрепление Дестеджердан, тамошний комендант захватил все товары и обиженные принесли жалобу пехлевану Хасану, прося его о защите. Хасан с двумя-тремя тысячами всадников подступил к крепости, убил коменданта и все имущество без всякой потери возвратил купцам, не позволив никому воспользоваться ни на копейку; после того с 6000 всадников пошел к Астрабаду, против эмир-Вели, но прогнанный отсюда, воротился назад. Неприятеля со всех сторон восстали на пехлевана: из числа их был некто Ходжа-Али-Моаяд.

Мы поясним нашу речь. Ходжа-Али-Моаяд схватил с помощью народа и заключил в Дамегане в темницу эмира-Насруллу, которого дочь хотел взять за себя пехлеван Хасан; но с наступлением ночи сказал Насрулле: «Даю тебе пять херваров шелку под условием, чтобы ты вышел из этой области, а если не сдержишь своего обещания, то будешь убит». Эмир Насрулла, страшась за свою душу, в одни сутки проскакал пятьдесят фарсанг и прибыл в Ирак. Ходжа Али-Моаяд сказал какому-то Мухаммеду-Ризе: «Тебе надобно ехать в Исфгань и привести с собой дервиша Азиза». Мухаммед отвечал: «Еду, но с условием — когда ты достигнешь [49] султаната, то отдай мне визирское достоинство». Ходжа-Али, выслушав благосклонно подобное предложение, отправил Ризу в Исфгань. Ему удалось привести с собой дервиша Азиза, который встретил прекрасный прием со стороны Али-Моаяда. Большое стечение народа появилось пред домом Ходжи-Али, ради такого случая. В ту пору взбунтовался гарнизон крепости Шеган против пехлевана-Хасана; Хасан, считая это обстоятельство важнейшим из дел Дамегана, выступил против мятежников, а между тем шпионы Ходжи-Али-Моаяда дали знать о том последнему. Тогда Ходжа и дервиш с тысячьо воинов пошли к Себзевару, проходя только по ночам и укрываясь днем. Они внезапно напали на Себзевар. Жители и люди пехлевана предполагали, что это возвращается пехлеван Хасан с войском; но когда всмотрелись внимательно, то должны были покориться своей участи. Визирь Ходжа-Юнос-Семнани бежал, однако был найден и приведен к Ходже-Али, который убил его булавой, в отмщение за эмира-Лютфулла. Когда весть о взятии Себзеvara дошла до Хасана-Дамегани, он возвратился из Шегана; но так как его семейство и войско оставались в Себзеваре, то он не решился вступать в борьбу: не видя никакого средства помочь своему

несчастью, он искал теперь случая остаться в кругу приближенных Али-Моаяда. — «Я сделал Моаяду добро» говорил он «и Моаяд также окажет мне уважение». Однако Ходжа Али-Моаяд написал к «сардарам» военачальникам Хасана, письмо в котором говорил: «сперва убейте Хасана, а там переходите уже ко мне» и они, сберегая жен и детей своих, не противоречили. Они стащили Хасана с лошади и Фахреддин-Джувеини [50] отсек ему голову, а сардари отправили ее в Себзевар. — Дервиш Азиз, очень огорченный таким их поступком, сказал Ходже Али-Моаяду: «За чем ты убил его без моего совета? Он сделал мне так много добра!...» Ходжа Али извинялся и отвечал, что того требовали власть и государствование. Пехлеван-Хасан правил четыре года и четыре месяца.

14) Правление Ходжи-Али-Моаяда, вместе с дервишем Азизом.

Когда власть упрочилась за Ходжою и за дервишем, то, чрез девять месяцев после этого события, дервиш сказал Ходже-Али-Моаяду: «Я хочу отмстить Мелик-Хусейну-Керту». — «Слушаю и повинуюсь», отвечал Ходжа и снарядил войско. Дервиш Азиз пришел в Нишабур и говорил Ходже Али: «Пошли за мной войска, чтобы они собрались вместе», но пока Азиз оставался в Нишабуре, Ходжа Али, изменив свой план, послал письмо к военачальникам, приглашая их оставить дервиша и перейти к нему, Моаяду. В один праздничный день сардари покинули дервиша, как будто его и не бывало между ними, и отошли в Себзевар; а дервиш Азиз с своими мюридами, числом около 400 человек, вторично направился к Ираку. Когда эта весть достигла до Ходжи-Али, он, подозревая замыслы дервиша, отправил за ним в погоню Ису-Туркмена и Сияг-Шира с 2000 хорошо вооруженных ратников и с приказанием: не возвращаться, пока не умертвят дервиша. Несчастные спутники Азиза остановились в пустыне у одного колодезя, как вдруг настиг их отряд Сербедаров: дервиш Азиз и около семидесяти его сотоварищей были убиты. Голову дервиша привезли [51] в Себзевар и развешивали по всем четырём сторонам города; таким образом Ходжа-Али-Моаяд стал единовластным лицом в делах правления. Хотя он сам не пил ни «бенга», ни вина; однако не удерживал людей от употребления этих напитков, так что большая часть его приближенных пили вино, любили женщин и пированье. Ходжа принадлежал к секте шиитов; он чествовал улемов и сеидов, предпочитая однако последних первым. Каждое утро и ночь он приказывал седлать коня, в ожидании «Владыки времени» (последнего 12-го имама); а имена двенадцати имамов приказывал чеканить на монетах. Щедрость его не знала границ. Под кабой он всегда носил кольчугу. Когда он избавился от хлопот с дервишем, то начал оказывать оскорбления дервишам шейха Хасана-Джури, приказал разрушить гробницы шейха-Халифе и шейха Хасана, обратил их в навозное место для базарных торговцев и дал повеление, чтобы все проклинали двух упомянутых нами шейхов. Между им и эмирами Джуни и Карбани происходили кое-какие дела, о которых долго было бы здесь распространяться. Ходжа-Али, при помощи Господней, долго управлял один, самовластно, и когда счастливый покоритель мира Тимур в первый раз пришел в Хорасан, то Ходжа-Али-Моаяд, как бы по внушению свыше, явился к этому завоевателю на низкий поклон. Надеюсь, что милость Господня допустит меня упомянуть о некоторых обстоятельствах этого Ходжи-Али в шестом томе моего труда. Слава Богу, что пятый том кончился теперь, по добру, по здорову! Пусть ведают люди благоразумные, что вся забота и попечение покорнейшего слуги ограничиваются [52] лишь одним: сослужить службу, приятную для ясного разума той особы, которую подкрепляет Господь и которая украшена благородными свойствами души, образованием, лестным сердцу условиями человечности, наконец известна по своему покровительству наукам и по другим прекрасным наклонностям! В наше счастливое время нет никого, кто был бы столь далек от предосудительных свойств, как-то: зависти, ненависти, недоброжелательства, гордости, оскорбления, обид мусульманам, огорчения людей добродетельных и от прочих низких качеств; нет никого, говорю, каков превосходный, правосудный, покровительствуемый Господом, заведывающий

делами правления, защитник мусульманства, являющий знамения Милосердного, благоразумный, доброжелательный, благомыслящий, искоренитель злых, подобных по вере «кяфирам» неверным, приближенный к султану, слуга семейству Чингиз-ханову, смело говорящий истину пред государями, ведающий и правление и шериат, и мирское и религиозное — одним словом — нет никого, каков Алишар!... И так как его светлый ум склонен к занятиям историею народов, то я убогий и малоценный, пользуясь случаем, составил около 240 отделов касательно этой отрасли знаний, что все написано карматским почерком. Надеюсь что скоро копчу и остальные два тома из числа предположенных семи томов моего труда, если будет на то милость Господня. Господь да сохранит до конца дней от перемены судьбы этого эмира, владыку добра! Да возвеличит Он его в здешнем и будущем мире наградами от руки его сверстников!

Да благословит Аллах Мухаммеда, его семейство и его компаньонов!

Комментарии

1. Абу-Саид-Бегадур-хан, сын Олджайту-султана-Ходабенде, государь гулагидской династии, управлял Персиею от 716-го по 736-й год геджры по словам хроники Ибн-Ямина. Он первый из Гулагидов принял титул «Бегадур». Ходабенде (раб Господень) есть прозвище Олджайту, но имя отца часто прилагается к сыну без посредствующего ибн или пюсер (сын). Пехлеван — рыцарь, боец от пехлю сила; слово ходжа употребляется в смысле господин.

2. Известное лицо в эпосе Фирдоуси Шах-Наме. Ему предается также эпитет Дастан, так как и Саму прилагается слово Нериман, имя отца его.

3. Слово «мюрид» отчасти соответствует другому арабскому слову «тaleb» ищущий и придается в смысле «послушник» тем лицам, которые подчиняют себя в делах веры и учения какому либо «шейху» старцу или настоятелю. В этом отношении «мюриды» (т. е. собственно желающие) бывшего горского предводителя Шамиля могли также называть его своим «шейхом» старейшиной, настоятелем, кроме титула Имама.

4. Себзевар главный город Бейхака.

5. Автор «У крашения Бесед» говорит, что Алауддевлет убит Сербедарами в деревне Валябад, в цепи гор «синее платье» 737-го года; с этой поры хотбе и сикке — права властителя упоминать имя в публичных молитвах и чеканить монету — остались за Абдурраззаком.

6. Правитель Нишабура.

7. Ниже этот замок назван Так, что в Язере.

8. Это известные секты Хамбалитов, Шафиитов, Малекитов и Ханефитов.

9. «Фетва» есть судебное решение какого-либо сомнительного вопроса, касающегося религиозных обрядов или дел духовно-политических. Лице, изрекающее приговор по известному вопросу, называется «муфти». Форма фетвы вообще бывает коротка и должна в нескольких словах подтверждать или отрицать предложенный на обсуждение вопрос; у турок это решение выражается словами: олур или олмаз можно и нельзя. Вопрос делается без намеков на лице о котором идет речь и в общих терминах; для этого употребляют как и в грамматических сочинениях, слова Зеид, Амру или слово «фюлян» такой-то и проч. Так Г. Бианки приводит образец турецкой фетвы: Дозволено ли Зейду читать высокостепенный коран громко, на рынках, для обучения детей, когда всякий занят своим делом? Ответ: «олмаз» нельзя. Dictionn. Turc-Francais. под словом fetva.

10. Я полагаю, что эта фраза означает здесь: меру тени от копья равную мере самого копья или меру на одно копье видимого пространства, пройденного солнцем, от его восхода. Вот, впрочем, несколько сходное с этим выражение меры времени у Харири в его «Макаматах». В макамате бедуинской (стр. 280 по изд. Сильвестра-де-Саси) читаем: «День этот показался мне длиннее тени от копья, жарче слез осиротевшей матери» — где комментатор (стр. 290 того же издания) говорит: «Арабы полагают, что тень от копья самая длинная из теней. Так один поэт смазал: «Мы коротаем свой день, долгий, словно тень от копья, то кровью меха (т. е. вином), то звуками музыки».

Это объяснение арабского комментатора мне кажется неудовлетворительным. Разве предположить, что он имел в виду всадника, которого копье, на совершенно открытой местности, где нет других высоких предметов, бросает самую длинную тень? Во всяком случае представляю решение этого вопроса на суд гг. ориенталистов.

11. «Приказания и запрещения» эвамир-у-невахи «все то, что предписывается законами и что отвергается. От единствен. числ эмр и нехъи».

12. Шахид собственно значит свидетель и, как свидетель истины, у Мухаммедан, принимается в смысле мученик. Особенно же шахидами называются убитые в «джихаде» или на дороге Божией (сабиль-аллах) т. е. в сражении за веру.

13. Повидимому, это слово означает: могильщик, гробокопатель, от персидского гур гробница и кенден копать.

14. Он, как мы видели выше, был повешен в одной из Себзезарских мечетей.

15. Рафедзитами или отщепенцами сунниты называют вообще шиитов, а последние в свою очередь этим словом характеризуют ту часть своей секты, которая выбрала себе предводителем Саида потомка Али и оставила его. Здесь, как кажется, слово «рафедзит» значив вообще сектант.

16. Слово шерият значит вообще мухаммеданский закон, основанный на коране. Таким образом дела мухаммедан у нас, в известных случаях разбираются по шерияту.

17. Тогатимур-хан, из числа Гулагидских государей, был убит Сербедарами в 754 году, как упомянуто в правлении Яхьи-Керрави.

18. Моэзз-еддин Хусейн — сын Гияс-еддина из династии Керт. Автор «Украшения Бесед» относит битву его с Сербедарами к 743 году и упоминает, что шейх Хасан убит в этом сражении (дер-ин-дженг кюште-шюд).

19. Каба, откуда производят русское слово: охобень, есть верхнее широкое платье, кафтан. «Углосед» буквальный перевод персидского слова «гюшеи-нишин» и значит человек, удалившийся от мира и всего мирского.

20. Слово «бенг» или «бендж» означает настой из наркотических растений, в роде хашиша.

ОБОРОНА САМАРКАНДА В 1454 ГОДУ

В летописях XV в. «Матлаъ ас-саъдайн» (***) В дальнейшем — «Матлаъ саъдайн...») и «Раузат ас-сафо» (***) В дальнейшем — «Раузат ас-сафо») содержатся интересные описания народного движения, происходившего в Самарканде в 1454 г. и направленного против напавших на город хорасанских войск во главе с Абулкасимом Бабуром (Не смешивать с известным автором мемуаров «Бабур-наме» Захириддином Бабуром). Самаркандские ремесленники (мухтари́фа ва асноф) и крестьяне (раъаеи навохи ва булукот) по собственной инициативе активно выступили против захватчиков и в кровопролитных боях отстояли город, несмотря на отсутствие войск у местного правителя Абусаида и его намерение бежать из Самарканда.

Источники начала XVI в. «Рашахот» (***) В дальнейшем — «Рашахот») и «Хабиб ас-сияр» (***) В дальнейшем — «Хабиб ас-сияр») приписывают главную роль в этих событиях не народу, а могущественному ишану Ходже Ахрару (Библиографию о нем см. в статье: О. Д. Чехович, К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара, Исторические записки АН СССР, 29, М., 1949). Вероятно, ввиду популярности этих позднейших источников замечательное выступление самаркандского трудового люда осталось не отмеченным в исторической литературе. В посвященной этому периоду работе В. В. Бартольда «Мир-Али-Шир и политическая жизнь» сказано только: «В 1454 г. Бабур сделал неудачную попытку овладеть Самаркандом; после заключения договора с Абусаидом

он 25 декабря того же года вернулся в Герат» (В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, сборник «Мир-Али-Шир», Л., Изд-во АН СССР, 1928, стр. 115). А. Ю. Якубовский [37] отметил лишь, что Бабур собирался захватить Сакарканд, но его поход в 1454 г. окончился неудачно (См. История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950, стр. 383; История Узбекской ССР, т. I, кн. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 351; А. Ю. Якубовский, Средняя Азия в XIII-XV вв., «Очерки истории СССР, XIV-XV вв.», М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 673). Вопрос о причинах этой неудачи и роли народа в обороне Самарканда, насколько нам известно, еще не поднимался в исторической литературе.

Когда стотысячная (Эта цифра указана в сочинении Ваиза ал-Кашифи ас-Сафи «Рашахот айн ал-хайот». Поскольку Бабур явился в Мавераннахр из Мазандерана, где он усиленно готовился к походу на Ирак, а затем собрал дополнительные войска в Герате, данная цифра не кажется баснословной. Однако точность цифр не всегда свойственна среднеазиатским историческим сочинениям тех времен, особенно житиям шейхов. К тому же «Рашахот» был написан в начале XVI в., т. е. через полвека после описываемых событий. Автор «Рашахот» не участвовал в этих событиях и не ссылается на источник своих данных. Тем не менее можно предположить, что армия Бабура была весьма значительной. Одних верблюдов за время похода пало, по сведениям обычно хорошо осведомленного Абдурраззак Самарканди, свыше 100 тыс. (Матлаъ саъдайн, т. II, стр. 1072)) армия Абулкасима Бабура неожиданно перешла Аму-Дарью, запаслась провиантом и фуражом в Хисаре и подступила к Самарканду, Абусаид не имел войск для отпора. Его воины (лашкариен), только что вернувшиеся из победоносного похода в Балх и Андхуд, были распущены по домам. Собрать их было невозможно и эмиры Абусаида решили, оставив Самарканд на разграбление врагам, бежать на север.

Тот факт, что войска Абусаида были им отпущены и разошлись по родным местам, приводится в летописи «Матлаъ саъдайн ва маджмаъ бахрайн» Абдурраззак Самарканди — самом подробном и достоверном из среднеазиатских исторических источников середины XV в., а также в зависящей от него летописи Мирхонда «Раузат ас-сафо». Абдурраззак Самарканди проделал весь поход 1454 г. с войском Бабура и был добросовестным летописцем событий (См. «Матлаъ саъдайн», т. II, стр. 1081). Он дважды подчеркивает, что Абусаид, вернувшись из Хорасана, распустил свое войско и потому решил бежать в Туркестан при неожиданном появлении Бабура под Самаркандом.

В «Матлаъ саъдайн» говорится:

*** (Там же, стр. 1062)

(«Когда Мирзо Султон Абусаид повернул из области Балха к государству Мавераннахр и благополучно переправился через Джейхун, он дал разрешение воинам вернуться [домой]»).

И в другом месте:

*** (Там же, стр. 1063)

«Вскоре войска, получив разрешение, разъехались по своим родным местам и не могли быть легко возвращены в связи с известием о [приходе] хорасанского войска»). [38]

Мирхонд сообщает:

*** (Раузат ас-сафо, т. VI, стр. 241)

(«Счастливый султан Абусаид..., перейдя Джейхун, разрешил воинам отправиться по домам»).

Нам не вполне ясно, почему Абусаид распустил свое войско. Его поход в Хорасан был вызван, как говорится в «Раузат ас-сафо», неоднократными дерзкими набегами хорасанских эмиров на Мавераннахр (Там же, стр. 240). Решив отомстить им, Абусаид разграбил все области от Бадахшана до Андхуда. Его эмиры вывезли, вероятно, много добычи и хотели быстрее вернуться. Роспуск войск Абусаидом описывается как обычное и естественное действие падишаха, вернувшегося из похода.

Возможно, что здесь мы сталкиваемся с особенностями феодальной системы организации войск, которые созывались для определенного; похода, а затем отпускались домой. Надо иметь также в виду, что в те времена не было организованного снабжения конницы фуражом. В период длительных походов кони тощали и через некоторое время их приходилось отпускать на подножный корм. В летописях тимуридского времени постоянно говорится об этой необходимости, ограничивавшей военные стремления феодалов. Может быть, это и заставило Абусаида отпустить своих всадников.

Возможно также, что Абусаид не рассчитывал на столь быстрое возвращение Бабура из Мазандерана и переход им Аму-Дарьи. На западе у Бабура были, казалось бы, более неотложные дела: усилившееся объединение туркменских племен Кара-Коюнлу завладело важнейшими? областями Фарса и Ирака и угрожало господству Тимуридов в Иране.

К тому же, как говорится в «Матлаъ ас-саъдайн» и «Раузат ас-сафо», в это время года (в августе), вследствие усиленного таяния снега в горах, через Аму-Дарью нельзя было переправиться без судов (кишти). Но Бабур обманул расчеты Абусаида, послав обоз вверх по реке до Бадахшана, где Аму-Дарью можно было перейти вброд, а сам с войском смело переправился через пять рек, «как до него не переправлялся ни один падишах», — утверждает Абдурраззак (Матлаъ саъдайн, т. II, стр. 1057) Между Солисараем и Вахшем войску пришлось пересечь безводную местность, много людей и животных погибло от жажды.

В богатейшей Хисарской долине войско Бабура нашло много хлеба»: несколько отдохнуло. Вскоре, невзирая на жару, Бабур устроил смотр своим войскам и усилил дисциплину. Уже в сентябре 1454 г. он подошел к Самарканду.

За все время похода войско Бабура не встретило никакого сопротивления со стороны Абусаида. Наоборот, из Самарканда прибыли послы с мирными предложениями, но они были плохо встречены и даже арестованы.

Очевидно, зная о роспуске войск Абусаида, хорасанские эмиры рвались к Самарканду. Все были уверены, что Абусаид оставит город. Но тут на историческую сцену выступил народ. Горожане и крестьяне встали на защиту Самарканда и блестяще справились с этой задачей.

Сводку показаний источников о самаркандских событиях 1454 г. мы, начнем с популярного жития Ходжи Ахрара и других шейхов суфийского ордена «ходжагон», составленного в 1504 г. Ваизом Кашифи ас-Сафи [39] под названием «Рашахот айн ал-хайот» («Капли, сочащиеся из источника жизни»). Так как критического издания этого источника нет, мы, воспользовались индийской литографией (Лакнау, 1890), более исправной, чем ташкентское литографированное издание 1911 г. Для проверки и консультаций использована рукопись Института востоковедения, АН УзССР (инв. № 5418), переписанная в 1539 г. Ваиз Кашифи пишет:

*** (Рашахот, стр. 290-291) [40]

Перевод:

«Рассказ о прибытии Мирзы Бабура для осады Самарканда и его безуспешном возвращении.

Когда Мирза Бабур, сын Мирзы Байсункара, сына Мирзы Шахруха, со ста тысячами испытанных в боях воинов направлялся из Хорасана к Самарканду, Мирза Султан Абусаид явился к святейшему ишану (Т. е. Ходже Ахрару) и сказал:

У нас нет сил противостоять ему. Что мы предпримем?

Святейший ишан успокоил его.

Когда же Мирза Бабур переправился через Аму-Дарью, группа эмиров Мирзы Султана Абусаида, сговорившись, приготовилась увезти Мирзу в Туркестан, чтобы там укрепиться. Верблюды были уже

навьючены, когда святейший ишан узнал [об этом] и явился. Рассердившись, он велел погонщикам верблюдов снять грузы и вошел к Мирзе. Он промолвил:

Куда Вы едете? Нет никакой необходимости уезжать, дело будет сделано здесь. Ваше дело я взял на себя. Не задумывайтесь и успокойтесь, я отвечаю за разгром Бабура!

Эмиры до того взволновались, что некоторые из них бросали чалмы на землю, крича: «Господин ходжа всех нас отдал на убиение!».

Так как Мирза искренне верил [Ходже Ахрару], то он никого не послушал и остался.

Бабуровы эмиры были уверены, что у Мирзы Султана Абусаида нет сил им противостоять и что он, конечно, оставит область, уйдет из нее.

А Мирза Султан Абусаид начал готовиться к обороне крепости.

Когда Мирза Бабур приблизился к городской стене Самарканда, передовой отряд его войск... [под командованием] Халила Хинда стоял, возле ворот, ведущих к праздничной площади Самарканда. Не так уж много людей вышло из города, завязался бой и Халил попал в плен. А среди мужей войска Мирзы Бабура было немного воинов, вооруженных лучше Халила.

Мирза Бабур расположился у ворот старинной крепости Самарканда, и его люди разъехались повсюду за продовольствием. Население Самарканда ловило их, отрезало им уши и носы и так отпускало. Многие из воинов Мирзы Бабура лишились ушей и носов. Армия Мирзы Бабура оказалась в крайне тяжелом положении. Через несколько дней ужасный мор напал на их лошадей; так много лошадей пало, что войска очень страдали от зловония падали. В конце концов Мирза Бабур послал к святейшему ишану [Ходже Ахрару] Мавлоно Мухаммеда Маъмони и запросил мира».

Как видим, автор «Рашахота» игнорирует роль народа и всю заслугу в обороне Самарканда приписывает Ходже Ахрару, причем Абусаид выглядит в его описании весьма невзрачно. Однако при всей своей тенденциозности «Рашахот» отразил некоторые вполне реальные факты и отношения.

Совсем иначе описывает эти события Абдурраззак Самарканди, их очевидец и участник.

*** [41] *** (Матлаъ саъдайн, т. II, стр. 1063)

Перевод:

«Поскольку войска (Имеются в виду войска самаркандского правителя Абусаида), получив разрешение, уже разъехались по своим родным местам и вернуть их в связи с известием о [приходе] хорасанского войска было нелегко, все население, от вельмож и благородных до ремесленников и цеховых [работников], арбабы, калонтары махаллей, райяты окрестностей и булюков, подняли крик и шум, обратились за помощью к святейшему ходже [Ахрару].

Они единодушно заявили, что будут стоять в обороне крепости, охраняя город в течение шести месяцев и даже целый год, если это понадобится. Они обещали защищать город до последнего вздоха и не отдать его врагу.

Господин ходжа похвалил их и велел укреплять город, возложив упования на милость Творца».

Из текста Абдурраззака видно, что если Ходжа Ахрар и употребил свое влияние на Абусаида, удержав его от бегства, то основанием для этого явилась решимость народа во что бы то ни стало защищать Самарканд. Для Абусаида это было полной неожиданностью. Его эмиры, уже готовые к бегству, крайне досадовали на покорность Абусаида Ходже Ахрару. Но суть дела была не в воле шейха, а в стремлении народа защитить Самарканд.

Об этом же говорит и Мирхонд в своей летописи «Раузат ас-сафо».

*** (Раузат ас-сафо, т. VI, стр. 240-241) [42]

Перевод:

«Когда до высокого восприятия [Абусаида] дошло, что Мирза Бабур перешел огромные реки и достиг окрестностей Самарканда, то государь Абусаид хотел направиться в Туркестан. Но он не пожелал приступить к этому делу без разрешения ходжи Насириддина Убайдуллы. (Ходжи Ахрара), чей светлый разум был средоточием божественного света и местом явления бесконечных милостей Аллаха. Он поспешил встретиться, конечно-, наедине с ходжой и испросил мнение того святейшего, как выйти из затруднительного положения и устранить случившееся.

В это время население Самарканда, калонтары махаллей, влиятельные и почитаемые лица окружающих районов стали просить:

Слава и благодарение Аллаху, в этом городе собраны обильные запасы, орудия и вооружение. И пока в теле у нас, рабов, держится дыхание, мы будем стараться дать отпор и оказать сопротивление. Защитим нашу страну от нападения иноземного войска!».

Совершенно ясно, что, уговаривая Абусаида остаться в Самарканде, Ходжа Ахрар учитывал решимость народных масс отстоять Самарканд от захватчиков. Ходжа Ахрар, несомненно, был заинтересован в сохранении власти Абусаида в Самарканде и потому содействовал организации защиты города. Но основной движущей силой обороны были народные массы. Все мужчины, способные воевать, собрались в городе. Остальные ушли в горы и ущелья, подальше от больших дорог. Окрестности Самарканда быстро опустели, и войско Бабура вскоре было вынуждено совершать далекие экспедиции в поисках провианта и фуража. Местные крестьяне преследовали и убивали фуражеров («ясокиен»). Войско Бабура оказалось, таким образом, в крайне невыгодном положении.

Между тем, защитники Самарканда организовали активную оборону города. У каждого зубца крепостной стены было поставлено по три человека («тюрк (Т. е. узбек) и два таджика»). В крепостных башнях были приготовлены глиняные хумы с водой, кувшины с маслом и много топлива, чтобы во время штурма лить на головы врагов горячее масло и кипятки. Между башнями стояли особые сундуки, из которых группы лучников могли бы обстреливать врага. Со стен крепости на осаждающих сбрасывались огромные бревна. Над стенами были подвешены кошмы, в которых застревали стрелы врагов. Защитники города собирали их и поражали ими противника. На гребне стены были укреплены палки, ножи и крюки для отталкивания и сбрасывания вниз осаждающих. Лучшие стрелки были расставлены таким образом, чтобы никто не мог приблизиться к городу. В каждой башне находился начальник (доруга), командовавший обороной своего участка.

Видя активность масс, самаркандский правитель Абусаид тоже проявил энергию: он лично проверял состояние обороны и даже «много ходил пешком по городской стене» (Матлаъ сьадайн, т. II, стр. 1065).

В первый же день осады, когда эмиры Бабура устремились к городу, надеясь на легкую добычу, горожане совершили столь отважную массовую вылазку, что хорасанцы обратились в бегство. Горожане преследовали бежавших через глубокие рвы и узкие проходы, где могли пробираться только 1—2 всадника в ряд. Кони и люди падали друг на друга, многие хорасанцы погибли в этом беспорядочном отступлении. Их предводитель, эмир Халил, имевший прекрасные боевые доспехи». [43] попал в плен вместе со многими другими воинами Бабура. Когда пленных привели в город, торжество и ликование народа было неопишимо.

Это крупное поражение показало Бабуру, что, несмотря на отсутствие в Самарканде настоящего войска, рассчитывать на легкую победу не приходится. Тогда Бабур выбрал более удобное место для своей ставки, приказал выкопать ров возле лагеря и готовиться к длительной осаде. Но уже ранним утром следующего дня, когда хорасанцы были заняты устройством лагеря, горожане вышли из стен и вновь завязали битву. Так они

делали ежедневные вылазки то из одних, то из других ворот города и, укрываясь в пригородных садах, поражали неприятеля.

Со стороны Самарканда действовали не только конные, но и пешие воины, смелость и изобретательность которых приводила в замешательство феодальную конницу Бабура. Выяснилось, что самаркандские стрелки натягивали тетивы луков сильнее, чем хорасанцы, и пущенные ими стрелы легко пробивали кольчуги феодалов Бабура. Абдурраззак Самарканди говорит об этом:

*** (Матлаъ саъдайн, т. II, стр. 1068)

(«Так как стрелки из луков в этой области крайне сильны [в натягивании] тетивы, их стрелы пробивают кольчуги и латы подобно тому, как игла прокалывает лист ириса»).

Бабур пытался провести подземный ход в город из хонако Туманака. Но горожане узнали об этом и дело сорвалось. В ноябре стало очень холодно, пошел снег. Это была необычно ранняя зима, от которой хорасанцы сильно пострадали. Кроме того, мор скосил более 100 тыс. верховых животных.

После сорокадневной безрезультатной осады Бабур был вынужден послать парламентариев с мирными предложениями. Было решено обменяться пленными и сохранить границу между государствами по Аму-Дарье. В декабре значительно поредевшая армия Бабура вернулась восвояси.

Сопоставляя данные источников о событиях 1454 г., нельзя не прийти к выводу, что главную роль в обороне Самарканда от хорасанских завоевателей сыграл народ, жители города и окружающей сельской местности, в том числе ремесленники (мухтарифа), члены цеховых объединений (асноф) и крестьяне (раъайяты), предводительствуемые своими калонтарами. В то время как самаркандские феодалы — правитель Абусаид и его эмиры — готовы были трусливо бежать в Туркестан, народные массы проявили непреклонную решимость защищать город «до последнего вздоха». Они пошли на большие жертвы, оставив на поток и разграбление свои дома, сады и посевы вокруг Самарканда, и проявили стойкость и мужество при обороне города. Крестьяне и ремесленники Самарканда нанесли поражение многочисленной и хорошо вооруженной армии Бабура и заставили ее вернуться в Хорасан.

Известно, что средневековые феодалы считали участие народных масс в войнах нежелательным. Эта точка зрения, высказанная еще Махмудом Газневи, приведена, например, в мемуарах Бейхаки. Однако само население, как видно, рассуждало иначе.

1. Мирхонд. Отрывок из «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия вал малик вал хулафа» -

«Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»

(Charmoy M. Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische. P. 270-321 (оригинал).

Упоминание об отправлении законного повелителя из столицы Самарканда, подобному раю Фирдаус, в Кыбчакскую степь.

В течение 792 года августейший монарх, власть которого не уступала власти небес, решил сразиться с ханом Туктамышем и отправил теваджиев (Гонцы, адъютанты), чтобы созвать свою армию из различных провинций своей империи. Он приказал, чтобы они (теваджии. - И. М.) дали клятву беречь свои силы, что бы ни случилось, и вынудить всех воинов направиться в Кыбчакскую степь, запасаясь, по старым и новым обычаям, продовольствием и провизией на год.

Каждому солдату было предписано взять с собой лук с тридцатью деревянными стрелами, колчан и щит; кроме того, они должны были иметь одного коня на двоих, шатер на десятерых, две лопаты, кирку, косу, пилу, топор, сто иголок, шило, веревки, различные припасы, неиспорченную бычью кожу и котелок, так, чтобы представить их в случае осмотра.

Равным образом Его Величество отдал приказ привести лошадей из своих конюшен, чтобы распределить их среди своих солдат, и открыть двери своей казны, чтобы раздать золото (динар) и деньги различным слугам и вассалам. После этого он покинул Самарканд, двинувшись в путь, и после наведения моста через реку Ходженд перешел ее и разбил свои зимние квартиры в Ташкенте.

В это время его здоровье расстроилось, и болезнь, овладевшая им, продолжалась сорок дней. Эмиры и знать государства, огорченные и встревоженные, воздавали умоляющие руки к небесам. Наконец болезнь пошла на убыль. Все слуги выражали свою радость и ликование, раздавая милостыню нуждающимся, и вернули, благодаря Богу, драгоценное здоровье повелителя мира. Между тем, эмир-заде Миран-шах куркан прибыл в императорский лагерь с войсками из Хорасана и имел честь поцеловать руку своего августейшего отца (Тимура. - И. М.). [18]

Благородный ум Его величества распространял лучи своего живого интереса и исключительного внимания на положение своих слуг и удостоивал как эмиров, так и нойонов дорогими дарами и подарками. Равным образом он радовал свою армию, раздавая ей деньги и осыпая ее ласками.

В качестве проводников Тимур приставил к главному боевому корпусу Тимур-Кутлука оглана, сына Тимур-Мелика хана, Кунджа-оглана (Кунче-оглан) и Идку Узбека (Идегей); другие проводники были распределены между знатью государства и могущественными эмирами.

Наконец, 12-го числа месяца сафара 793 года в то время, когда солнце, сверкающее, как и Юсуф прекрасный (По преданию, самый красивый человек, пророк Юсуф – Иосиф), оказалось в 8 градусе Водолея, удачливые знамена были развернуты под милостивым покровительством. Всевышнего, чтобы направиться в Кыбчакскую степь. Эмир Лагаль, как и эмир Мул кат, присоединились к принцу Пир-Мухаммед-Джехангиру и мирзе Шахруху и были отправлены в столицу, дабы управлять империей. Тимур позволил всем своим женам и наложницам вернуться обратно и оставил при себе лишь Чулпан-Мелик-ага, которая вместе с удачей постоянно сопровождала его в этой экспедиции.

В то время как победоносная армия разбила лагерь в Карасамане, открылись небесные потоки; снег и дождь следовали друг за другом безостановочно. Они были свидетелями прибытия туда посланцев хана Туктамыша, которые через посредничество известных эмиров, спустя несколько дней, добились чести поцеловать руку августейшего повелителя, подарив ему нового скакуна и сокола. Они смиренно и униженно преклонили колени у подножия победоносного трона этого великого монарха и выразили в следующих словах свою речь: «Хан Туктамыш поручил нам сказать Вашему величеству: «Я всегда рассматривал вас как моего господина и отца, преисполненного нежности к нам, и права, приобретенные Вашим величеством с моим признанием, своими милостями и благодеяниями безграничны. Я рассматриваю как неуместные и недостойные свои действия и поступки, которые я ранее позволял себе, уступая коварным намекам злодеев и интриганов. И этот образ жизни сбил меня с пути в пустыне изумления и сожалений. Если Ваше величество еще раз желает перейти черту письменного извинения и прошения на странице моих ошибок, то я не вышел бы более из круга послушания и [19] покорности, ухватываясь за пояс Вашего могущества, протяженность которого всегда увеличивается. Я не отверну более своей головы от пути службы и преданности».

Монарх, которому нравилось покровительствовать своим друзьям и проявлять свою справедливость, отвечал этим посланцам: «Всему миру было ясно, что в начале он (Туктамыш. - И. М.), вынужденный бежать от своих врагов, искал убежища в нашем блаженном государстве; и как мы взяли на себя обязательство восстановить порядок в его делах. Мы не отказали ему тогда ни войсками, ни деньгами и окружили враждебным кольцом Ырыс-хана (Урус-хан). Мы действовали среди зимы, и в этом походе погибло множество лошадей, верблюдов и ценных предметов. Вопреки этим потерям мы не лишили его права на получение нашей поддержки и только удвоили усилия, чтобы укрепить его положение, которое, благодаря воле Всевышнего, привело его на трон Джучиева улуса. И все территории Кыбчакской степи были окутаны поясом его владений. Я разговаривал с ним, как с моим приемным сыном, и ему, со своей стороны, оставалось только ослепляться богатством своей казны и неисчислимым количеством своих войск, но пары гордыни затуманили его голову, и он забыл права, которые наши благодеяния приобрели его признательностью. Он поспешил возвестить о мятеже в тот момент, когда мы были заняты покорением Ирака и Фарса (Иран), и послал войска, чтобы опустошить окраины нашей империи. Мы приписывали этому действию коварные советы недоброжелателей и соизволили обратить на это внимание. Мы также рассматривали эти дурные поступки как недействительные в надежде, что он сожалеет об этой неуместной дерзости и самонадеянности и кончит вымаливанием нашего прощения. Но вино тщеславия настолько опьянило и лишило его разума, что он не в состоянии был отличить зло от добра и даже сам отважился идти против нас. Он шел впереди авангарда, составленного из неверных смельчаков, который захватывал наши государства и начинал их опустошать. Это привело к раздражению нашего светлого ума. Мы, не мешкая, вернулись из дальних стран (где мы тогда находились), чтобы сразиться с ним и противостоять ему. Но он обратился в бегство с тех пор,

как увидел силы нашей армии, и обрушил на свою голову пыль несчастья. Согласно приказу хана (Хан Султан Махмуд, ставленник Аксак Тимура), войска собрались со всего [20] мира, и мы направились с местью, чтобы захватить его области. С тех пор он ощутил, что не в состоянии сопротивляться исламской армии. Вот почему он воспользовался полой смиренности и беспомощности и стремится посредством своих лживых речей отвести от своей власти поток божественного наказания и чашу нашего императорского гнева. Так как мы не имеем большого доверия ни к его речам, ни к его действиям, то мы не откажемся от наших планов и с милостью Всевышнего осуществим тайные планы, которые задумал наш светлый ум. Тем не менее, если он желает жить в согласии и в гармонии с нами, то надо, чтобы он послал к нам Али-бика, чтобы мы действовали в соответствии с обстоятельствами после того, как будем держать совет и советоваться с предсказателями».

Спустя два или три дня, он дал праздник в честь посланцев, которых облачили в дорогие кафтаны; затем держал совет с принцами крови и эмирами и удержал при себе этих послов.

Выбрав наиболее подходящий момент и самое удачное время, он (Тимур. – И. М.) вскочил на своего быстрого скакуна и последовал за эмирами и войсками, находившимися в пути. После прохождения Караджук и Сабрана они пересекли пустыню в течение трех последующих недель, но нехватка воды погубила множество вьючных животных.

Прибыв к месту, называвшемуся Сарык-узен, они напоили там вьючных животных и помолились Богу. Разлив вод вынудил армию остановиться там на несколько дней и тотчас же, как только она понизилась, армия двинулась в поиске перехода и перешла реку вплавь. В этот момент двое слуг Идку Узбека бежали и присоединились к хану Туктамышу. Их преследовали по приказу Джучи (Тимура. - И. М.), но не смогли догнать.

Победоносная армия продолжала двигаться такими же переходами, пока не прибыла в Кечик-таг и оттуда две ночи шли через Улуг-таг. Монарх, могущество которого было подобно могуществу гор, поднялся на вершину этой горы, возвышавшейся на 50 квз (М. Шармуа перевел как гуэз. В действительности «квз» это тюркское слово, означающее многократно, несколько раз. Здесь - в смысле меры длины), и окинул взором эту пустыню, размеры которой знал лишь Господь. Именно на этой обширной равнине ему встречались превосходные источники, прозрачные реки и бесчисленное множество деревьев. [21]

Его величество остановился на день на вершине У луг-тага и приказал, чтобы войска свезли туда со всех сторон камни, дабы воздвигнуть там большую башню в качестве указателя. Искусные скульпторы выгравировали там дату прихода августейшего монарха (Тимура. - И. М.) в эти места для того, чтобы этот монумент передал в самые отдаленные века память о высоких делах этого прославленного монарха.

(Стих.) Я слышал, что благородный Джемшид выгравировал на камне, украшавшем фонтан. Многие смертные, подобно нам, отдыхали у этого фонтана и покидали мир в мгновение ока.

Великий монарх двинулся в путь и прибыл, придаваясь удовольствиям охоты, к берегу реки Еланджук, где разбил лагерь. Он перешел эту реку и спустя восемь дней пути сделал остановку в местечке, называвшемся Атакарагуй. Так как он давно уже начал поход и так как эта степь удалена на пять или шесть месяцев пути от городской и сельской жизни, голод и недостаток настолько ощущались в императорской орде, что цена барана поднялась до 100 динаров, а цена мены зерна большого веса, эквивалентного 16 обычным менам, поднялась до 100 кепекских динаров, но и это, даже за такую цену, трудно было найти. Большая часть солдат питалась в этой пустыне яйцами птиц и всеми видами животных и питательных трав, которых можно было съесть.

Монарх, руководимый жалостью и сочувствием, приказал, чтобы войска, имевшие немного продовольствия, довольствовались небольшими порциями и ежедневно ограничивались миской каши на человека. Он запретил кому бы то ни было печь хлеб, лепешки и готовить пироги или лапшу. Пыл желания есть выворачивал совсем пустые желудки, так, что все блюда были по нраву, даже те, которые перечислены Бухаком (Абу Исхак Ибрахим ибн Али. См.: Charmoy M. Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische. P. 446).

Эмиры пытались варить шестьдесят порций (мисок) каши из одной мены зерна, равной 8 обычным менам, добавляя в нее некоторое количество зелени. Знать, изнеженно пренебрегавшая мясом птиц и гусей, бросала вождеденный взгляд на миску каши.

Могущественный монарх, при рождении которого господствовали два благоприятных сочетания небесных светил, предавался удовольствию охоты, а войска правого фланга, так же, как и войска, составляющие левый фланг, продвигались, занимали [22] все закоулки этой степи и пустыни. Они собирали столько дичи, что исламская армия, хотя и испытывающая нехватку продовольствия, брала лишь самых тучных и оставляла более тощих. Среди других на этой равнине огромной протяженности оказались антилопы гораздо крупнее, чем коровы, и называвшиеся монголами кандагай, тогда как жители пустыни дали им имя бокан (Это, скорее всего, опечатка в оригинальном тексте, так как в других источниках пишется как болан). В это время победоносная армия питалась охотой на этих животных.

Автор настоящей работы читал в хронике, написанной одним из офицеров свиты принца Миран-шаха, что ночью крысы этой пустыни выползали из своих нор и пели как соловьи. Мы ограничимся цитированием этого факта, не подтверждая его..

Конечно, когда светлый ум повелителя, одаренный судьбой, перестал воспринимать удовольствия охоты, соизволил произвести смотр своим замечательным войскам. И различные звенья корпуса его армии забурлили как синее море (М. Шармуа перевел как Каспийское море) и направились к месту смотра, вооруженные с ног до головы и построенные по рядам.

Император вскочил на своего быстрого скакуна, осмотрел внимательно всю армию, расположившуюся на этой обширной равнине, бросив на нее пристальный взор, как и на эмиров, принцев крови и нойонов, которые командовали кошунами (Полк, корпус) и на которых полумесяц императорского штандарта бросал свою благотворную тень. Преклонив колени перед своим повелителем, они подвели ему оседланную лошадь и, желая ему счастья и благополучия, говорили: «Да будет солнце великолепие нашего монарха защищено от всякого заката». Монарх, со своей стороны, удостоил их своими похвалами и самыми одобрительными возгласами.

Смотр закончился спустя два дня. Его величество не решался выбрать принца крови или нойона, которого он поставил бы во главе авангарда. Тогда прославленный мирза Мухаммед-Султан-Бахадир, преклонив колени, попросил его о милости командовать аванпостами победоносной армии. Это доказательство смелости и отваги этого знаменитого принца очень понравилось его августейшему монарху, который благосклонно принял его просьбу.

Принц Мухаммед-Султан и эмиры, получившие от его величества приказ следовать за победоносным стременем этого храброго мирзы, на седьмой день последнего месяца джумада, [23] считавшегося наиболее благоприятным муллой Абдуллахом Лисаном, корифеем астрологов, двинулись в путь. Император категорически приказал им сообщать обо всех значительных событиях, или менее важных, случившихся в пути, касательно достойных опор трона.

По истечении двух дней марша принц и эмиры увидели в пяти- шести местах огни, которые еще не были полностью погашены, и поспешили послать монарху гонца, обязав его рассказать об этом. Его величество приказал, чтобы к нему привели знающих толк проводников, чтобы узнать, в какую сторону ушли те, кто зажег эти огни.

После получения этих вестей принц и эмиры, руководствовавшиеся приказами, двигались утром и вечером, чтобы произвести разведку. И когда они подошли к реке Тубыл, переправились и послали вперед отряд разведчиков, которые по возвращении довели до сведений королевскому принцу, эмирам и нойонам: «Мы видели огни в 70 местах, но, осмотрев всю равнину и пустыню, не заметили ни кого». И они снова передали эти сведения августейшему монарху, который тотчас же после получения этих новостей форсированными маршами двинулся вперед со своей победоносной армией и соединился со своим авангардом, перейдя Тубыл. Но напрасно солдаты истоптали все окрестности этой обширной степи копытами своих коней и исходили ее вдоль и поперек, они не обнаружили никаких следов людей.

Монарх, ведомый своей непоколебимой судьбой, послал Шейх- Давуда Туркмана взять языка. Он был человеком, выросшим в пустыне, где получил опыт в течение долгих лет. Он не боялся там самых больших усталостей, чтобы отличиться своими важными предприятиями, и ценил ход дней и месяцев, горечь и радости, которые предлагает нам картина этого мира. Шейх-Давуд двигался вперед с огромной скоростью в течение двух дней и на исходе второго дня заметил несколько хижин. Он спрятался за холмами с другими храбрецами. После восхода солнца они увидели всадника, вышедшего из этих хижин по какому-то делу и,

как только он приблизился к ним, схватили его и доставили ко двору, который был прибежищем для всего мира.

Император осыпал Шейх-Давуда всеми видами милостей и благосклонностей, также удостоил всех тех, кто его сопровождал наградами и подарками. Затем он Спросил о новостях о Туктамыш-хане у пленника, ответившего ему: «Месяц назад мы покинули [24] нашу страну и наш улус и остановились в этих краях. Мы ничего не знаем о Хане, но десять дней назад десять всадников, одетых в кирасы (Кольчуги), расположились в лесу по соседству и мы до настоящего времени не знаем кто эти люди».

Его величество приказал Ид-Ходже взять тридцать всадников, выгнать жителей из их хижин и привести в лагерь. Ид-Ходжа приказ исполнил и привел их. Равным образом он приказал есаулу Хумари, этому льву лесных боев, направиться в этот лес и поймать и привести тех десятерых человек, которые там жили. Доблестный Хумари незамедлительно отправился туда согласно приказу, полученному от Его величества. Когда он прибыл в расположение тех десятерых человек, те оказали ему отчаянное сопротивление. Некоторые из них были убиты, другие пленены и пешими приведены к императорскому трону.

После получения сведений о хане Токтамыше он (Тимур. — И. М.) приказал выступить и снова двинулся в путь. Он преодолел большие расстояния, пересек множество рек и озер и прибыл 24-го числа последнего месяца джумада аль-ахр к берегу реки Яик, где победоносная армия разбила свой лагерь. Там проводник имел честь объявить Его величеству, что эта река имеет три перехода, из которых один был известен под именем Айгыр-Ялы, другой под наименованием Бур-Гечит (Бура-Кичеш), а третий под наименованием Чапма-Гечит (Коймэ-Кичеш).

Завоеватель мира, светлый ум которого был очагом праведности, благоволил по этому случаю сказать следующие слова: «Кажется неблагоразумным идти этими тремя переходами, ибо может случиться, что наши коварные враги устроили там засаду и подстерегали момент нашего перехода, чтобы напасть на нас. Нам кажется благоразумным подняться к верховьям реки, навести там мосты и пересечь ее вплавь, отдавшись на волю Всевышнего». Чтобы реализовать этот план, тотчас же забили в барабаны сигнал к выступлению и двинулись в путь.

Прибыв к месту назначения, всадники и пехотинцы бросились в воды реки и переходили ее два дня. Они снова развернули знамя выступления и спустя шесть дней прибыли к берегам реки Семур, где сделали остановку. Там разведчики, выдвинувшиеся вперед, слышали голоса врагов и доложили об этом обстоятельстве светлomu уму Его величества. В этот момент принц [25] Мухаммед-Султан-Бахадир, взяв пленника, привел его в славные шатры своего августейшего монарха, который расспрашивал последнего и тот ответил ему следующее: «В этой местности собрано огромное количество войск; но они тотчас же отступили, как только услышали о приближении вашей армии».

Монарх издал категоричный приказ, предписывавший каждому воину его армии никогда не отделяться от своей тысячи, ни от своего кошуна и строго запрещавший солдатам зажигать ночью огни. Корпуса, вооруженные с ног до головы, один за другим выдвигались вперед.

И когда армия повелителя тюрков и таджиков разбила лагерь на берегу реки Ибик (Иик, Яик). Его величество, сердце которого было преисполнено благородства, испытал желание снова двинуться в путь утром в понедельник первого месяца раджаба, вскочив на своего быстрого скакуна, и остановился у моста. Затем он приказал авангарду перейти мост прежде всех и оставаться там до тех пор, пока весь боевой корпус осуществляет переход. Что касается двух флангов, то они пересекли реку вплавь. Исламский монарх в свою очередь перешел по мосту и продолжил свой путь. Между тем аванпосты взяли трех вражеских воинов и привели их к Его величеству, который потребовал от них сведений о подлинном состоянии вещей и получил на это ответ: «Туктамыш-хан не был осведомлен о прибытии ваших победоносных войск, когда двое слуг Идку, покинувшие императорскую армию, пришли сказать ему, что эмир Тимур-Куркан идет против него во главе очень многочисленной армии, чем капли дождя и песчинки пустыни. С тех пор, как Туктамыш узнал эту новость, пар изумления наполнил его мозг, и он сказал, преисполненный страха и ужаса: «Со своей стороны я подниму армию вдвое многочисленней, чем его». Этот опрометчивый хан игнорировал, что победа и триумф зависели от милости Божественного правосудия, а не от многочисленности его славных войск. Он немедленно послал в различные провинции империи Джучи-хана гонцов, поручив им собрать войска правого и левого фланга и объявить им, что хан разбил лагерь в тот момент в Кырк-Куле, где ожидал другие войска». Эти пленники добавили: «хан Туктамыш воображал, что, когда вы прибудете к берегу реки Яик, вы перейдете ее этими тремя переходами, и что он воспользуется этим случаем, дабы вас атаковать. Но тайные планы Туктамыша были раскрыты светлым умом завоевателя мира, который перешел реку выше», как мы описали это ранее. [26]

Так как химерические планы врагов были раскрыты гением Его величества, завоевателя мира, то он подошел к этому месту и остановился там, чтобы дать своим доблестным и искусным полкам в прорыве своих врагов, этим воинам, постоянно побеждавшим противников, время присоединиться к императорской гвардии. Он исходил в этом положении из высшего порядка, который предписывал войскам подготовить их большие и малые щиты, окружить себя рвами и укреплениями и не пренебрегать малейшими предосторожностями, которые им вменяли благоразумие и осмотрительность.

Победоносная армия поспешила выполнить приказы их славного императора, они подошли ночью к этому месту, а на следующий день славный повелитель отдал приказ мусульманам двинуться на врага. Его войска не отсиживались ни в каком лагере, следуя предписаниям осторожности, вырыли ров и возводили укрепления. В этот момент их несравненный монарх призвал к себе амиров туменов и командиров кошунов, снова раздал им деньги и после того, как облачил их в дорогие кафтаны, добавил к ним доспехи, заслуживающие любого из них.

Находясь в пути, он пересекал грязные и вязкие болота с большим трудом, и близ которых разбивал свой лагерь, чтобы оправиться от усталостей. Каждый солдат отдыхал в своей палатке; и спустя немного времени разведчики донесли, что только что появились три вражеских полка. Они не замедлили сообщить, что заметили крупный отряд явных врагов. Монарх, которому постоянно сопутствовала большая удача, вскочил

на коня с отрядом воинов своей свиты и опередил свою армию, которой он приказал построиться рядами и следовать за ним.

Между тем разведчики взяли пленника, которого они привели к Его величеству. После расспросов он ответил: «Туктамыш хочет заманить вас подальше в свою страну, ибо он узнал, что продовольствие начинает иссякать в вашем лагере». Разгневанный монарх произнес свой смертный приговор, и этот неудачник пал жертвой своей правдивости. Сунджак-Бахадур и Аргуншах получили приказ двигаться к врагу и передать своему августейшему монарху все сведения, которые им удастся собрать.

Они поспешили выполнить этот приказ и прошли несколько фарсангов по пустыне, не обнаружив никакого присутствия врагов. Они вернулись без новостей, что было для всех явным доказательством правдивости пленника, который недавно был убит. После возвращения Сунджака и Аргуншаха блистательный [27] монарх приказал Мубашшир-Бахадuru взять языка и возвращаться лишь тогда, когда он узнает вести о враге. Этот лесной лев побед быстро поднял отряд смельчаков, поставленных под его начало, и после нескольких дней пути достиг леса, где вдалеке заметил дым. Он продвинулся еще дальше и услышал голоса. Тогда он отделил одного из своих воинов, который разузнал ему численность врагов, и так как он ощутил в себе силы противостоять им, устремился на этот отряд со своей свитой. Со своей стороны, враг был изумлен и не имел другого выхода кроме сражения. И эти люди, испытывавшие ужас, равным образом были вынуждены устремиться на своих противников. Победоносные войска истребили этих неудачников ударами мечей и стрел и взяли сорок пленников, которых они привели ко двору монарха, покровителя мира. Мубашшир-Бахадур был осыпан Его величеством подарками и милостями, как и его соратники.

Повелитель континента и морей потребовал от сорока человек вестей о Туктамыш-хане. Они ему отвечали: «Хан решил, что вся его армия соберется у Кырк-Куле. Несчастные, мы пришли туда, но мы не нашли его там и даже не смогли обнаружить причину, по которой наш повелитель не пришел на место встречи, которое он нам назначил. Именно по этой причине мы блуждали в лесах и пустыне до тех пор, пока не были поражены несчастьем, которое нас настигло». Вследствие этого показания пленники были умерщвлены на основании Яса (Кодекс Чингиз-хана), и в то же мгновение к подножию трона привели сына Мамака, который был ранен. Он преклонил колени и сказал следующее: «Мы прибыли в Сарай, в место, которое Хан нам указал, как место встречи, через своего посланца, но мы не нашли его там и мы не знали обо всем, что произошло до этого».

Монарх послал к авангарду Надила-Тархана, Джелала, сына эмира Хамида, Мевлаи и Саин-Тимура с множеством смельчаков, дав им следующий приказ: «Если вы увидите огромную вражескую армию, покажитесь перед ней; но если почувствуете, что она может одержать над вами верх, обратитесь к хитрости, притворяясь беглецами, чтобы обмануть их и заманить их к нам. Кроме того, поспешите уведомить меня обо всем, что с вами случится». Эти смельчаки, придерживаясь строгих приказов монарха, двинулись на врага и пересекли бесконечное множество рек и болот. Тогда они заметили аванпосты Туктамыш-хана, от которых отделилось пятнадцать человек и двинулось в эту сторону. Со своей стороны, [28] Саин-Тимур двинулся им навстречу и вступил в переговоры с ними. По возвращении Саин-Тимур отправил Мевлаи к Его величеству, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло. Тот отправился с быстротой ветра, и после прибытия в победоносный лагерь довел до ушей министров императорского двора то, что видел и слышал.

Упоминание о битве аванпостов победоносного монарха, и о гибели Айку-Тимура.

Когда Мевлаи прибыл в императорский лагерь и разъяснил Его величеству подлинное состояние дел, этот могущественный монарх приказал эмиру Айку-Тимуру двинуться на врага во главе нескольких отважных всадников, вооруженных мечами и копьями, чтобы удостовериться, силен ли он или же малочислен и стараться выяснить его позицию, дабы с уверенностью уведомить об этом Его величество. Этот эмир с сердцем льва, который валил с ног слонов, решил выполнить приказ Его величества и двинулся в путь во главе множества храбрых воинов, чтобы прорвать ряды врага. Он пересек с ними глубокие болота и трясины, реки и присоединился к Джелалу Хам иду, и Н ад илу-Тархану и другим воинам авангарда.

Когда они все вместе выдвинулись вперед и приблизились на минимальное расстояние, то увидели корпус армии Туктамыш-хана на вершине холма, откуда они вели наблюдение. Эмир Айку-Тимур послал к нему эскадрон, составленный из доблестных и отважных воинов, прославившихся охотой на львов. Но как только враги увидели, что они движутся к ним, они спустились с холма, а войска, посланные против них, заняли их позицию.

По другую сторону этой возвышенности они увидели тридцать полков, построившихся для сражения и ожидавших случая атаковать. С тех пор, как аванпосты определили численность врага, они расположились на этом холме и послали к эмиру Айку-Тимуру, чтобы сообщить ему о положении дел. Он, не колеблясь, двинулся вперед и расположился на холме, откуда увидел огромное число врагов. Поэтому он решил вернуться назад. Сначала он приказал отступить своим войскам и приказал им не спеша переходить реки и болота. После осуществления этого отхода, он остался с несколькими людьми своей свиты на вершине этого холма.

Люди Туктамыш-хана заметили, что аванпосты монарха более не могут оказать помощь Айку-Тимуру и что они отделены от него [29] множеством топей и рек, двинулись на него. Но он им стойко сопротивлялся и проявил такую отвагу, что армия монарха, завоевателя вселенной, целой и невредимой смогла пересечь реки и болота. Затем он повернул назад, чтобы отступить с ней, но был ранен пущенной сзади стрелой, другая стрела настигла его коня, с которым он пытался переплыть реку. Его конь потерял все свои силы, и воины его свиты подвели ему другого коня, еще свежего, который также вскоре был ранен, едва всадник вдел ногу в стремя. Тот, не уставая, метал в врагов стрелы и копья, пока не пал смертью мучеников, ибо «не смел нарушить божественные законы, ни отложить исполнение их приговоров».

Хири-Мелик, сын Ядкара Барласа, Рамазан Ходжа и Мухаммед из племени Арлат выполнили свой долг, разделив участь эмира Айку-Тимура. Ибо «мы все принадлежим Богу и именно к нему мы однажды вернемся (Стих из Корана)». Между тем несравненный властелин, благословенный монарх, царствование которого не знает упадка, прибыл к берегам реки с несколькими людьми своей свиты и приказал этим смельчакам спуститься, пересечь реку и отбросить врагов своей могущественной империи.

Эмир Хаджи Сейф ад-дин и эмир Джеханшах, сопровождавшие императора, совершили свои достойные подвиги, а эмир Джелаль, сын эмира Хамида, также дал доказательство своей отваги в этот грозный день, атакуя три полка во главе тридцати человек и заставив их отступить. Тархан Надила, Шахмелик, сын Тугай-Меркена и шестипалый Баязид проявили такое же геройство, сражаясь с огромным упорством. Они взяли у врага трех пленников и привели их к подножию императорского трона. Монарх, покинув это место, вернулся в лагерь и одарил бесчисленными дарами и милостями тех, кто проявил себя блестящими деяниями в этом сражении, воздавая дань их безграничной преданности, не позволяющей поколебать себя перед многочисленным врагом в этой кровавой схватке. Он наградил их титулом тархана и приказал своим есаулам никогда не отказывать им во входе в императорские покои, не прикасаться к ним ни рукой, ни жезлом, и не наказывать их обладателей, ни их родственников, когда бы они ни оказались виновными, в девяти последовательных поступках. Он утешал и веселил сердце родителей и наследников эмира Айку-Тимура, одаривая их разного рода добротой, милостями, расположением и благосклонностью, и, доверив им не только большую печать империи, но еще печать указов Шахмелику, сыну Килчигая, [30] которому он, кроме того, поручил обязанности и титула Айку-Тимура, так, что с тех пор его род был возвышен как полярная звезда.

В нескольких хрониках мы читаем, что когда эмир Айку-Тимур был убит, страшная паника овладела духом победоносных войск монарха, и что они провели ночь, преисполненные страха и ужаса и во власти разного рода неуверенностей и тревог.

Так как прошло уже почти шесть месяцев, как этот блистательный монарх с помощью Всевышнего, не переставая, двигался на север, то армия прибыла в место, где наблюдала появление утренней зари непосредственно после захода солнца и после исчезновения вечерних сумерек. А так как точность времени является одним из необходимых условий для молитвы Всевышнему, которая предписана слугам Господа, то подобного не было в священном законе в течение всего времени, пока солнце, это светило звезд, занимало северные созвездия.

Туктамыш-хан не останавливался ни на одном месте, в течение достаточно долгого времени, где победоносные войска могли бы его настигнуть. Многочисленная армия (Тимура. - И. М.) могла бы не выдержать трудностей долгих маршей. Завоеватель мира созвал совет с принцами крови, эмирами и нойонами и сказал им: «Амир-заде Омар-шейх двинется вперед с 20 000 всадников и несколькими прославленными военачальниками, такими, как эмир Сунджак, Султан-Санджар, Хаджи Сейф ад-дин, эмир Осман Аббас и другие, чтобы догнать и остановить врага.

Принц и эмиры двинулись в путь в соответствии с этим приказом и на следующий день получили известие, что аванпосты двух армий оказались друг перед другом. Как только Его величество был об этом осведомлен, то он соблаговолил уделить все свое внимание организации армии.

Упоминание о подготовке армии и сражение монарха с Туктамыш-ханом.

В этот день, когда расстояние, отделявшее две армии, сократилось, солнце скрылось за пасмурными облаками, чтобы не видеть ужасов сражения. Пошел снег и ощущался жуткий холод. Благодаря молитвам и расчетам, занимавшим светлый ум монарха, погода, спустя шесть дней, стала более ясной.

В понедельник 15-го месяца раджаба 793 года Его величество занялся выстраиванием своей победоносной армии в местности, [31] называемой Кандурджа (Кондурча). Он разделил ее на семь корпусов, первый из которых был поставлен под номинальное командование Султан-Махмуда и под реальные приказы эмира Сулейман-шаха. Второй корпус, которым командовал лично Его величество, был доверен принцу Мухаммед-Султану и сопровождался известными героями и прославленными воинами. Третий был поручен принцу Мираншаху Куркану, а принцу Мухаммед-Султан-шаху была поручена его организация. Он был поставлен на правом фланге. Тогда как четвертый, равным образом расположенный справа, был дан эмиру Хаджи Сейф ад-дину, а пятый отдан заботам и усердию принца Омар-шейха. Заметим, что в хрониках упоминалось вскользь и бегло семь корпусов, тогда как авторы снабжают нас деталями лишь о пяти из них.

Победоносный монарх командовал двадцатью отборными полками, составленными из самых доблестных воинов, расположившись за главным боевым корпусом для того, чтобы быть готовым прийти на помощь любым полкам в любой момент сражения. В некоторых хрониках говорится, что эмир Хаджи Сейф ад-дин находился на аванпостах правого фланга со своими войсками, которые построились для сражения, тогда как Бирди-бег Сарбуга, Худад-Хусейни и множество других воинов расположились в первых рядах левого фланга. Тысячники и командары полков заняли каждый отведенное ему место и приготовились к бою. Враг со своей стороны не спешил появиться.

Туктамыш-хан, дабы поднять великолепие своего боевого корпуса, как и корпусов левого и правого флангов, поставил там принцев крови, таких как Таш-Тимур Оглан, Бек-Ярук Оглан и Илигмыш Оглан, Биг-Пулад-Оглан, Али-оглан и Джанита Оглан, также как и эмиров улуса Джучи-хана, как Али, Сулейман-Суфи Конкрат, Навруз Конкрат, Актау Акбута, Урусджук Кыят, Иса-бек, старший брат Идку, Хасан-бег, Сарай, Куке-Буга, Баглы-бей Бахрин, Кункур-бей, как и другие герои и прославленные воины Кыбчакской степи, которые построили свои ряды перед лицом господина мира.

Все взоры были ослеплены видом необъятной массы вражеских войск, а небо было затемнено пылью поднятой копытами их коней.

(Стих.) Вся равнина - пустыня и горы были затоптаны копытами их животных. [32]

В этот момент завоеватель мира отдал своим войскам приказ спешиться, расставить палатки и шатры, зажечь огни во многих жилищах. Туктамыш-хан был удивлен полным спокойствием и хладнокровием этой победоносной армии и малым вниманием, которое она уделяла вражеским войскам. Он пустился в долгие размышления по этому поводу, говоря: «Какой природы, стало быть, эти люди, которые в самый грозный день думают о том, чтобы расставить свои палатки, приготовить пищу и поесть». Охваченный страхом и

ужасом, он занялся построением своих боевых порядков туменов и тысяч. Эти отряды много раз одерживали верх.

Могущественный монарх, хорошо знавший, что победа и триумфы приходят к нам всегда от расположения и милости Бога, покровительствующего людям (да укрепится его империя и власть), и что она никаким образом не зависит от многочисленности сторонников и солдат, спешился перед тем, как начать сражение, и обратился к Всевышнему свою искреннюю и пылкую молитву. Он совершил двухрэкатный намаз (Молитва, состоящая из двух поклонов) и, приложив смиренно голову о землю, просил у Бога помощи и победы. После молитвы он вскочил на коня. В то же мгновение эмир Берке, избранный мусульманскими государствами, слава семьи пророка (да будет над ним мир), сопровождаемый великими шейхами Зид-дином Юсуфом и шейхом Исмаилом, генеалогия которого восходила к шейху л-исламу Ходжа Ахмед-Джаму, образец добродетельных и созерцательных людей (да спасет его душу Аллах), обнажив голову и подняв руки к небу, просил Всевышнего, раздателя милостей, обеспечить триумф знаменам империи монарха и ниспровергнуть знамена династии Туктамыш-хана.

Этот почтенный сайид (Из рода пророка Мухаммеда), который в то же время занимал высокий пост, повернувшись тогда к своему могущественному монарху, адресовал ему эти памятные слова: «Ступай куда захочешь, воистину тебе дарована победа».

Смелчаки двух армий и доблестные воины двух империй тотчас же устремились в гущу схватки и настолько разожгли огонь войны и сражений, что сердце Сатурна, этого безжалостного палача небесных сфер, несмотря на его твердость и бесчувственность, было растоплено сочувствием к жертвам, которые погибли в этом сражении. [33]

Эмир Хаджи Сейф ад-дин был первым, кто вынул саблю отомщения и гнева и бросился на врага, левый фланг которого, выстроенный напротив его армейского корпуса, он прорвал. Эти войска разбежались во все стороны и несколько вражеских полков, составлявших резерв войск Туктамыша, пришли в движение, чтобы повернуть эмира Хаджи Сейф ад-дина и атаковать его сзади.

Эмир Джеханшах, выделявшийся своей отвагой, пришел в движение со своим корпусом, чтобы преградить путь наступлению этих безумных войск, обрушив разом мечи и стрелы, дабы заставить их отступить. Принц Мираншах Куркан, пришпорив своего скакуна и наводнив поле битвы кровью сражающихся, уничтожал отряд, противостоявший ему. Левый фланг армии Дешти-Кыбчака был отчасти рассеян, а другая .его часть чувствовала себя не в состоянии сопротивляться долгое время, и обратилась в беспорядочное бегство.

Эмир Осман Аббас устремился на три полка с малым отрядом верных и преданных войск; и в то время как он отличался своими высокими делами, был выбит из седла. Находясь между надеждой и отчаянием, он взял в руки свой лук и стрелы и поддержал честь, которой удостоил его августейший монарх. Наконец он вдел ногу в стремя и оказался в седле и бросился на первые ряды врага, который обратился в бегство.

Эмир Шейх Али-Бахадур, который в день сражения всегда давал клятву покрыть себя славой и прославить свое имя, и который, верх храбрости, был подобен тигру, чья стремительность равнялась скорости огня, бросил камень поражения в ряды врагов, которые он прорвал как застекленную преграду.

Что касается принца Омар-шейх-Бахадура, он вынул свой меч отваги и устремился на правый фланг врагов, обратив кольчуги в саван всех тех, кто встретился на его пути.

Пири-бег (Берди-бег) и Худадад-Хусейни равным образом отличились своими доблестными деяниями. Эти герои победоносной армии одержали победу, каждый из них одолел своего противника, и враги рассеялись, были убиты или обратились в бегство.

Хан Туктамыш видя, что не в состоянии больше сопротивляться славному монарху, принял решение об отступлении и направился к принцу Омар-шейху, который отчаянно сопротивлялся и непоколебимо возвышался как гора. Туктамыш-хан, когда увидел, что не может больше сражаться, повернул назад в сторону [34] Шейх-Тимура и тысяч сулдуза (Название племени). Напрасно те начали поддаваться под градом его стрел, Туктамыш-хан повел на них несколько последовательных атак во главе эмиров и военачальников улуса Джучи-хана и кончил триумфом. Он поубил огромное число воинов племени сулдуза, пробиваясь через них, построил свои войска и занял позицию позади армии завоевателя мира.

Мирза Омар-шейх-Бахадур, этот воинствующий лев сражений, предстал со своими смельчаками перед Туктамыш-ханом. Вооруженные своими большими и малыми щитами, они сошлись с врагом. Их августейший монарх занимался преследованием беглецов, когда теваджи Джеке сообщил ему, что Туктамыш-хан построил свои войска за его победоносной армией и занял там позиции. Другой гонец принес ему ту же весть от принца Омар-шейха. Его величество повернул тотчас же назад. И когда Туктамыш-хан увидел императорский шатер, господствующий над семью странами, он почувствовал, как земля затряслась у него под ногами, а руки безвольно опустились. Именно тогда пагубные действия неуверенности повлияли на его судьбу: разрывая свое сердце с тысячью вздохами и сожалениями о царской власти и благах этого мира, и позорно обратился в бегство. Весь улус Джучи-хана рассеялся и разбежался, порвав стремени и уздечки и бросив свои вещи и багаж.

Монарх-победитель остановился в этих местах и все принцы крови, эмиры и уважаемые нойоны, добившиеся чести поцеловать славный ковер Его величества, с радостью и ликованием брали слово, чтобы поздравить своего августейшего повелителя с этой великолепной победой, которая была главной в деяниях этого мира. Они разбрасывали золото и драгоценные камни перед монархом, который, со своей стороны, награждал и одаривал их всеми своими милостями и царскими дарами. Затем он выбрал семерых из десяти человек и послал их преследовать врага.

Эти смельчаки, месть которых была такой же страшной, как месть Сатурна, обнажили свои великолепные мечи и, отбросив в сторону всякую осмотрительность и всякое сострадание, устремились в преследование врагов с быстротой молнии, которая блистает, и судеб, которые предназначены всем смертным. Эти несчастные, охваченные паническим ужасом, видели сверкающим над ними смертоносный меч и окрашивали кровью воды Атиля (Волга): следовательно, можно судить о малочисленности тех, кто, [35] оказавшись между этими двумя потоками, бросил поклажу ради спасения.

Богатства, вещи, дети, слуги и предметы тех, кто пал под властью победителей, были так многочисленны, что никто не мог вымолвить и слова, когда речь заходила об их перечислении. Кундже Оглан и Тимур-Кутлук Оглан, принцы рода Джучи, и один из эмиров того Улуса, Идику, оставившие Туктамыш-хана несколькими годами ранее, и связанные с двором монарха, получили от него дорогие кафтаны, одежды, украшенные драгоценными камнями перевязи, быстрых скакунов с позолоченными седлами и другие императорские подарки.

В то время как монарх одержал такую великолепную победу, Туктамыш-хан, испуганный до полусмерти, сумел выбраться из этого бушующего кровью моря. Вышеупомянутые принцы, преклонив колени у подножия императорского трона, говорили: «Если светлый ум Вашего величества, который украшает мир, соизволит посчитать необходимым, мы придем как верные слуги, решительно приносящие себя ему в жертву, собрав наш ил и улус (Людей своего племени и людей, находящихся в их подчинении) , который рассеяли превратности судьбы. Мы приведем их».

Этот повелитель соизволил благосклонно принять просьбу этих двух принцев крови и Идику Узбека и приказал, чтобы каждому из них дали чрезвычайную грамоту, содержание которой говорило, что никто не должен был позволять себе препятствовать им или противодействовать их путешествию. Кундже, Тимур-Кутлук и Идику, получив соответствующие эдикты, довольные и радостные отправились по следу беглецов.

Наконец, императорская армия разбила лагерь на берегу Волги и в долине Ур-туба, в отношении их чистоты и воздуха явившейся таким открытым и цветущим местом, как розарий Ирама, образом, который все свободные умы вдыхали, счастливые тем, что ее посетили.

Тимур-Кутлук и Идику Узбек, отправившиеся искать свой ил и улус, снова их обрели и собрали множество своих людей под свои знамена. Первый заключал в себе желание стать ханом Дешти-Кыбчака и государства Джучи-хана. Что касается последнего, то амбиция беспрепятственно получить верховное командование проникла в его сердце. Они оба забыли о правах и милостях, которыми наделил их монарх, и разрывались между верностью и вероломством. [36]

Тимур-Кутлук со своими сторонниками завоевал степь, а Идику со своими направился в другую сторону. Что касается Кундже-Оглана, так как он имел честь радоваться исключительному расположению и близости к монарху в его частных кругах, то он вернулся ко двору, служившему приютом всему миру, приведя туда часть

своих сторонников, которых он встретил в пустыне и в степи, и снова стал объектом расположения Его величества.

Все эмиры и нойоны, которые согласно приказам своего славного повелителя опустошали вражеские провинции, вернулись, обремененные добычей и бесчисленными богатствами, и привели в императорский лагерь прекрасных, как луна, девушек, юношей, лицо которых не уступало солнечному лику, быстрых скакунов и верблюдов.

Они собрали столько рабов обоего пола, прекрасных как Пэри (Пэри — очень красивые существа, тела которых были из луча света, феи), что выбрали пять тысяч из них для Его величества. И прекрасный ум, впоследствии связанный с императорскими кругами, составил, находясь в пути, следующий стих, на который его вдохновила надежда:

(Стих.) Если мы сохраним жизнь, то завладеем однажды тюрком Тугмака

(Тюрко-монгольское название золотоордынского государства. Более подробно об этом названии смотрите в Предисловии).

Чистая натура монарха выразила желание предаваться радости и удовольствиям в этом райском месте, зеленеющем как сад вечности, сладкий зефир (Ветер. Мягкий южный ветер) которого был предвестником ветерка Рая, а текущие воды которого могли дать идею фонтана Юпитера. Он предавался в течение двадцати шести дней, в счастливый час своей судьбы, радости и веселью в этом восхитительном месте, некогда служившим царской резиденцией Джучи-хана и его знаменитых потомков.

Упоминание о возвращении в столицу Самарканд из Дешти- Кыбчака.

Когда этот могущественный монарх, завершил победоносное завоевание, которое могло бы служить вершиной блестящих деяний армий самых могущественных победителей, и у которого больше не оставалось врагов в степях, ни на островах вследствие [37] жестокой мести, осуществленной замечательными войсками монарха, этот удачливый завоеватель снова двинулся в путь в Самарканд. Пустыня наполнилась необъятной добычей и богатствами, которые увозили с собой победоносные войска. Со своей стороны те, обремененные бесчисленными трофеями, проходили по степи в большой радости и ликовании и были восхищены и хорды видом следующих за ними прекрасных молодых рабов.

В числе предметов роскоши, попавших в руки солдат, фигурировало множество кочевых палаток, служивших убежищем жителям этой степи. Они сделаны так, чтобы совсем не спешиваться, когда разбивают или сворачивают лагерь, и чтобы они могли быть погружены, на повозки, которые специально строили для переезда с места на место.

Императорский лагерь был настолько многолюден, что в момент, когда кто-то терял свое жилище, он мог очень кстати использовать и пропеть этот стих:

«Если я ускользну из этой пустыни любви и вернусь к моему очагу, то никогда больше не буду сопровождать ни одного царя в чужую страну».

Армия, прибыв к берегам Тика (Яик. Здесь вероятнее опечатка, так как в арабском шрифте буквы «я» и «т» легко перепутать), разбила там лагерь. Кундже-Оглан, степь которого была прибежищем, узнал, что жители этого края возвели на трон Хана Тимур-Кутлука. Желание снова увидеть свои очаги и служить этому принцу овладело его сердцем и привело его к отклонению от прямого пути на путь неверности. Он поспешно вернулся к своим очагам, не спросив предварительно разрешения монарха.

Когда он преодолел расстояние несколько фарсангов, после перехода Тика, этот славный монарх, которому справедливость служила проводником, оставил эмира Хаджи Сейф ад-дина во главе багажа и в спешке отправился в свои государства. Он пересек эти пустыни, полные опасностей, и подошел к Сабрану в месяце зулькааде 793 года, разбив лагерь в Отраре. После этого он снова двинулся в путь под защитой счастья и процветания и почтил своим августейшим присутствием край Самарканда, ставший с тех пор подобным Раю. [38]

Его жены и нойоны, следуя обычаю, поспешили прибыть ему навстречу и преподнести достойные подарки. В то же самое время они сообща обрушили на него похвалы, хваля доброту Бога и его милостивые действия. Все подданные и вассалы этого принца падали ниц перед Господом, чтобы возблагодарить его за возвращение этого героя, завоевания которого охватывали весь мир. Тот приказал, чтобы приготовили роскошные празднества, где предавались радости и ликованию, когда они посвятили несколько дней радостям и удовольствиям, принц Мираншах вернулся в Хорасан по приказу своего августейшего монарха. Со своей стороны, Его величество расположился на зимних квартирах в Ташкенте, направив в эту сторону свои победоносные знамена.

В течение мухаррема 794 года эмир Хаджи Сейф ад-дин присоединился к императорской армии во главе багажа. Его могущественный монарх радовал всех принцев крови, знать, эмиров и нойонов, объявив им счастливую новость завоеваний, отличавших эту победоносную кампанию, и пришел зимой во время отдыха на равнину Барсин, на окраинах территории Ташкента.

С началом весны он направился к своей императорской резиденции и после перехода реки Худжент двинулся в путь, предаваясь удовольствию охоты. Когда победоносные знамена были водружены в Акйаре, Его величество в своей большой доброте доверил принцу крови Пир-Мухаммеду, сыну мирзы Джехангира, государство Султана Махмуда, сына Насир ад-дина Себуктекина, затем Кабул и Газнен до границ Инда и реки Синд. В силу указа Его величества несколько прославленных эмиров, такие, как Хусейн-Суфи, сын Гияс ад-

дина Тархана, Кутб ад-дин, двоюродный брат эмира Сулейман-шаха, Хусейн-Хаджа, сын эмира Аббаса, Шемс ад-дин Уджкара, как и другие военачальники, сопровождали принца со своими женами, свитой, семьями и слугами, чтобы управлять этими краями.

К началу следующего года монарх, триумфальный и победоносный, оставался со своей добротой и расположением в Самарканде, своей столице, и украсил этот край, оказывая ему честь своим августейшим присутствием.

Текст воспроизведен по изданию: Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л. АН СССР. 1939